

# Практикантка

**Автор:**

Артем Каменистый

Практикантка

Артем Каменистый

Практикантка #1

При «синей тревоге» не гибнут, но не в этот раз. Поисковая группа уничтожена, уцелела только юная практикантка, впервые покинувшая стены странного Монастыря. Чтобы выжить, ей надо всего лишь дождаться помощи. Но она, действуя по глупой бюрократической инструкции, начинает опасное преследование. Вокруг разворачивается битва: сверхмощные бомбы сметают деревни, гибнут самолеты, но все зря – победу это не приносит. Девушку начинают искать, ведь от нее зависит исход сражения. Все тщетно: против людей не только враги, главный противник – тайга.

Артем Каменистый

Практикантка

Города Нимгер в Южной Якутии нет, всякое сходство с реальными людьми случайно. Приведенные координаты умышленно искажены, установить по ним путь практикантки невозможно.

Автор

...В случае невозможности связаться с руководством всеми изложенными выше способами необходимо немедленно свернуть все плановые работы и преследовать объект, стараясь не дать ему оторваться на большое расстояние.

При этом не рекомендуется демонстрировать себя, сокращать дистанцию до минимальной или начинать активные действия. По ходу преследования необходимо принять все меры по информированию руководства о своем местонахождении и поведении объекта. Для этого рекомендуется...

Орден. Инструкция поиска

(ч. 4, п. 11, п.п. 7)

Пролог

- Привал! - громко скомандовал командир группы и поднял бинокль.

Трое плечистых парней немедленно облюбовали удобные камни, затянутые мягким лишайником. Положив на колени свое оружие, они с наслаждением вытянули натруженные ноги.

Поисковая группа находилась на северном склоне высокого гольца, довольно близко к его вершине. Далеко внизу остались густые заросли тонких лиственниц и сосен, непролазный бурелом кедрового стланика сменился отдельными кустиками, цепляющимися за глыбовую осыпь, тянущуюся до самого верха горы. Высота была довольно приличной, здесь до сих пор сохранились отдельные островки зернистого, тяжелого снега.

Четвертый член отряда, молоденькая девушка, присела, прислонила мощную винтовку к высохшему стволу стланика и принялась увлеченно выискивать среди вытаявших кустиков брусники гроздья прошлогодних, сладких ягод. Покосившись в ее сторону, командир недовольно поморщился, припал к окулярам, палец лег на регулятор резкости.

Мощные линзы хорошего бинокля приблизили сероватое пятно наледи, возле которой отряд провел ночь; взгляд скользнул дальше, в сторону далекого безобразного шрама, оставшегося на месте таежного ручья. Старатели уже давно отработали эту россыпь, изуродовав долину на несколько километров. Кроме старых следов золотодобычи и триангуляционного пункта на уплощенной вершине гольца, других заметных следов человеческой деятельности здесь не

наблюдалось.

Маленький отряд поисковиков был заброшен сюда еще вчера утром. Самолет выбросил парашютистов над сырой марью, при этом двое ребят, пробив торфяную корку, здорово вывозились в болотной грязи и вымочили свою одежду. Но лучшей площадки в этих местах попросту не нашлось; от выхолощенного русла ручья пришлось бы идти гораздо дальше, а приземление на каменную осыпь чревато почти неизбежными переломами ног. После марш-броска выйдя в заданный район, оперативники прочесывали его вот уже на протяжении тридцати часов. Их не остановило и наступление темного времени суток. В этих высоких широтах в июне можно было различать крупный текст даже в полночь, а кроме того, у каждого был прибор ночного видения с запасом батарей. Максимум, что они могли себе позволить, – полторачасовой привал неподалеку от наледи.

Однако поиск никаких результатов так и не принес. Отряд спугнул одинокого изюбра, нашел несколько давних кострищ, засыпанный разведочный шурф и россыпь старых бутылок возле геодезического знака. В это пустынное место они шли с надеждой на более значительные находки – издали здесь виднелся некий странный белесый предмет в окружении сверкающих блесков. Но при ближайшем рассмотрении он оказался обычным медвежьим черепом, надетым на ржавую перфораторную штангу, вбитую в отвалы старой геологической траншеи. При ее проходке взрывы засыпали всю округу крупными пластинами светлой слюды, она и давала такие странные отблески.

Командиру смертельно хотелось присесть рядом со своими ребятами, ходьба по этим проклятым камням вымотала его до дрожи в коленях. Но приходилось крепиться, не показывать вида. Иначе придется потерять часть самоуважения, ведь эта зеленая девушка, навязанная в группу незадолго до вылета, держалась с таким видом, будто находится на прогулке в городском парке. Проклятая практикантка вот уже больше суток легко прыгала по шатающимся камням; в душе каждый член отряда неистово надеялся, что она непременно сломает ногу и можно будет наконец-то отдохнуть по-настоящему. Но тщетно. Девчонка шагала как заведенная и даже на привалах не спешила присаживаться, вечно находила себе какое-нибудь глупейшее занятие. То разбирала свой карабин, проверяя, нет ли влаги или мусора в механизме, то просто бродила вокруг стоянки, пугая пушистых пищух и с явным восторгом изучая скудную северную флору. В общем, вела себя как простая беззаботная туристка на загородной прогулке.

Бойцы поначалу сыпали шутками и советовали угомониться, обещая в случае полной потери сил ее добить, согласно неписаным законам тайги. Но вскоре приуныли. Крепкие мужики теперь выглядели как выжатые тряпки, при каждой остановке они немедленно падали куда придется, вытягивая натруженные ноги. Крутой склон и шаткая осыпь быстро вымотают даже опытного ходока. Командир все еще держался, стыдно было показывать свою усталость перед девчонкой. Но силы его были уже на пределе, а она по-прежнему держалась как ни в чем не бывало; к ней даже грязь не липла – ее камуфляж был будто только что из-под утюга. Другую уже бы давно на руках тащили, а эта знай себе скачет козой и в ус не дует. Вон на бруснику набросилась, будто делать ей больше нечего.

Почувствовав близкое движение, он повернулся, хмуро уставился на подошедшую практикантку. Та, вешая карабин на плечо, вежливо поинтересовалась:

– Мы долго тут стоять будем?

– А что? – раздраженно спросил командир.

Чуть смутившись, девушка пояснила:

– Мне отойти надо. Ненадолго.

– Ничего, можешь прямо тут располагаться, – смог пошутить один из бойцов. – Только будь добра, встань по ветру: и мне виднее будет, и ароматы тайги не пострадают.

Практикантку не смутила столь грубая шутка, за последние сутки она наслышалась и не такого. Командир кивнул:

– Ладно! Только недолго! И карабин не бросай.

– Будет на что облокотиться, – не унимался остряк.

Девушка быстро направилась вниз по склону. Дождавшись, когда ее спина скроется среди кустов стланика, командир немедленно плюхнулся на давно

облюбованный камень, потянулся всем телом, ощущая, как под его весом хрустит корявая корка высохшего лишайника.

- Что, Бидон, тяжелый день? - понимающе поинтересовался все тот же юморист.

- Ты-то хоть помолчи! - тяжело вздохнул командир. - И откуда она только взялась на наши бедные головы?!

- К гадалке не ходи - всю жизнь проторчала в Монастыре!

- Что там той жизни? Вряд ли ей больше двадцати.

- Я с этими монашками уже сталкивался. Они все там такие бешеные. Я бы тоже сбрендил, если б годами баб не видел. Долго нам еще здесь бродить?

- Правила забыл? - сурово произнес командир. - Так я их быстро напому. Согласно инструкции, в случае пробоя второго порядка поисковые работы должны проводиться в течение сорока девяти часов после инцидента. Учитывая срок заброски, нам надо продолжать прочесывание еще восемь часов.

- Пристрелите меня, братцы! - взвыл остряк. - Да мы уже все вокруг осмотрели, нет тут ничего! Уходить надо!

- Нельзя, - командир покачал головой, - правила составляли грамотные люди. Хотим мы того или нет, надо продержаться еще треть суток.

- Но ведь тут все чисто!

- Точно так думали наши европейские коллеги около двадцати лет назад. - Тон командира был казенно сух. - Они свернули поиск за четыре часа до окончания срока. В результате произошла крупная авария на местной атомной электростанции.

- Да какие тут катастрофы! Геодезическая вышка развалится? Старатели бульдозер пропьют? Давай быстро решай: или этой монашке ноги поломаем, чтоб больше не скакала, или выдавай нам стимулы!

Ничего не ответив, командир потянулся к рюкзаку. Бойцы оживились, разбирая шприц-тюбики с мощным стимулятором. Эта химия могла поднять в бой даже мертвого, на ней можно продержаться около двадцати часов, если вовремя повторить прием. Потом следует неизбежная расплата – отлеживаться, приходя в себя, придется более суток, выпив при этом ведро воды. Но через восемь часов они спокойно спустятся вниз, вызовут по спутниковому телефону вертолет. К тому времени вопрос о его аренде в местном авиаотряде будет решен.

- Прячь. – Последний боец протянул аптечку на-зад.

- Практикантка перебьется! – уточнил повеселевший болтун. – У нее и так скипидара полная задница.

Командир уложил коробку в большой карман рюкзака, сделал себе укол прямо через штанину, отбросил выжатый тюбик. Проследив за его полетом, он внезапно насторожился. Слюдяной отвал, на который упал шприц, был какой-то странный, отличный от других куч вывороченной породы. Не задумываясь, оперативник встал, подошел поближе, склонился. Да, усталость взяла свое, поисковик потерял обычную бдительность – в прежнем, свежем состоянии командир не вел бы себя так беспечно.

Крупные пластины слюды лежали неправильно. Соседние кучи блестели гораздо сильнее, плоские кристаллы, приглаженные водой и ветром, лежали на боку, как рыба чешуя. Этот отвал был совсем другим, его поверхность была явно нарушена, причем случилось это недавно. Командир наклонился еще ниже, разглядывая влажноватое углубление в сыпучей породе. Он вздрогнул, когда увидел, что оттуда на него пристально уставился желтоватый глаз. В следующий миг слюдяная куча взорвалась, выпуская стремительное тело.

Девушка лежала в густых зарослях стланика на маленькой проплешине, сплошь затянутой пушистым ковром ягеля. Она предусмотрительно постелила полиэтиленовый плащ, носимый в кармане разгрузочного жилета – теперь ее одежда не пострадает. Рядом стояли ненавистные высокие ботинки с комками носков, натруженные ступни приятно обдувало легким ветерком. Хотелось лежать так целую вечность, но нельзя: командир группы четко сказал – привал недолгий.

Она почти проклинала свою судьбу, ей все представлялось совсем не так. Нормальные выпускницы спокойно проводят свои два месяца практики в рабочих буднях европейских баз, где им всегда найдется подходящая работа, и они не чувствуют себя неполноценными. А ей в первый же день пришлось столкнуться с «синей тревогой», лететь за тысячу километров, прыгать с самолета в болото. Нет, она вовсе не возражала против подобных приключений – вся проблема была в здешнем коллективе. Опергруппа состояла из крепких мужчин, сбитых в дружную команду. С самого начала они смотрели на нее весьма косо, практикантка никак не вписывалась в их ряды. Каких трудов ей стоило держаться с бодрым видом, не показывая, насколько выдохлась. Если бы они двигались еще минут десять, скорее всего, она бы не выдержала, выдала чем-нибудь свою усталость. Ей впервые стало радостно за свой слабый пол. Пользуясь правилами приличия, она могла на привалах уходить в кусты, где можно было не притворяться, отлеживаться на плаще пять – десять минут, массировать ноги, закусывая губы от боли и жалея себя. Потом надо поправить одежду, тщательно затянуть ботинки, свернуть пленку, спрятав в карман разгрузочного жилета, вернуться назад с беззаботным видом, глупо восхищаясь окрестными пейзажами и на голом упрямстве держась от искушения плюхнуться рядом с оперативниками.

Внезапно девушка насторожилась, она ощутила странную колющую судорогу, быстро проскользнувшую по телу, спина напряглась сама собой, выпрямляя позвоночник в струну. Осознать значение этих тревожных симптомов практикантка не успела – рядом оглушительно протрещала короткая пулеметная очередь, следом раздался истошный крик и все стихло.

Навыки, приобретенные в Монастыре, не выбьет никакая усталость. Девушка мгновенно поднялась, переворачиваясь на колени, еще в движении на миг закатила глаза, выходя в боевой режим. Рука обхватила цевье карабина, вторая мгновенно опустила предохранитель. Оружие было взведено заранее, но она, подчиняясь вбитой привычке, оттянула затвор. Из-под него выскочил спецпатрон, упал на землю, тревожно краснея своей странной маркировкой на светлом фоне ягеля. Автоматически запомнив, что обойма уменьшилась, девушка скользнула в кусты, возвращаясь к месту привала.

В босые ступни впивались ветки и острые грани камней, но она не обращала на это внимания. Два-три шага, мгновенная остановка, легкое изменение курса. Ствол карабина не останавливается, рыскает из стороны в сторону, выискивая малейшую угрозу. Все тихо, но так даже хуже: скрытая опасность страшнее

явной. Густые заросли быстро закончились, девушка скользящим шагом продолжала двигаться наверх, нащупывая подошвами каждый камень. Ей очень не хотелось упасть рядом с местом, где так страшно кричат и стреляют.

На месте привала все осталось почти по-прежнему – четверо крепких мужчин и пять темно-зеленых рюкзаков. Но даже издали она сразу поняла – здесь все кончено. Командир лежал возле самой канавы, его голову скрывал слюдяной отвал, двое поисковиков изломанными куклами развалились возле своих камней, третий был чуть подалее в такой позе, будто его туда отбросило. Никто не шевелился.

Нервно поводя карабином, девушка направилась вверх по склону, огибая стоянку по крутой дуге, стараясь не пропустить взглядом ни одного уголка, где мог бы затаиться неизвестный враг. Внезапно она замерла, оружие дрогнуло, руки на миг ослабли. На снежном языке, выползающем из канавы, виднелся отчетливый след. С такого расстояния трудно разглядеть подробности, но было ясно – его не мог оставить никто из оперативников. Для этого необходимо хорошо разбежаться, прыгнуть примерно на четыре метра, оттолкнуться ногой от снежной подушки и улететь еще дальше – на дно рва. Поисковику это было ни к чему. Противник все еще оставался там, по крайней мере практикантка на это надеялась.

Действовать нужно быстро: враг может уползти по дну канавы, а она тянется почти на сотню метров, дно практически не просматривается. Девушка рванула застежку вытянутого подсумка, горячую ладонь приятно остудил прохладный металл ребристой «лимонки». Усики чеки были согнуты в стороны, но она рванула кольцо с такой яростной силой, что даже этого не заметила, плавно разжала пальцы. Стальная скоба отлетела в сторону, жалобно звякнула на камнях; выждав одну секунду, практикантка ловко швырнула спецгранату в цель, быстро припала на колено, опасаясь пострадать от осколков.

Близкий взрыв довольно болезненно ударил по ушам, выбросил из канавы кубометр снега, перемешав его со слюдой. Где-то рядом басовито прогудел увесистый осколок, среди скальных останцев загуляло эхо. Вскочив, девушка бросилась вперед, непрерывно стреляя в облако дыма и пыли. В голове четко работал счетчик боеприпасов, она прекратила стрельбу в десяти метрах от канавы, одним слитным движением выщелкнула пустую обойму, вставила новую. Карабин взводить не пришлось: последний патрон оставался в стволе.



Встав над канавой, она не сдержала досадного вскрика. Здесь ее никто не ждал. След уходил дальше, в ту сторону, где противоположный конец выработки скрывался в зарослях стланика. Враг не стал продолжать схватку; перебив оперативников из засады, он немедленно ушел, не связываясь с настороженной практиканткой. Что ему одна-единственная девушка при таких аппетитах? В этой дикой местности делать больше нечего: забрав четыре жизни, он выиграл себе несколько лишних часов существования. Убивая дальше, противник может дойти до густонаселенных мест или объектов повышенной опасности и тогда...

А ведь начиналось все довольно неплохо.

Часть первая

Сказочная тайга

Глава 1

– Ветрова Алина по вашему приказанию прибыла!

Девушка статуей застыла в дверях. Она с горечью поняла, что прибыла самой последней. Задержка произошла по вине приемщицы, но всякие оправдания здесь бессмысленны. Вытянувшись по стойке смирно, Лина немигающим взглядом уставилась поверх макушки Мюллера.

Никто не мог сказать, почему эта грозная женщина носит такую странную мужскую кличку, хотя нельзя не признать – прозвище ей здорово подходило. О настоятельнице вообще мало что было известно достоверно. Великой тайной являлось все: от возраста до имени. К ней всегда обращались обезличенно или, очень редко, по должности. Сколько Лина себя помнила, Мюллер всегда была неизменной: крупная мужеподобная женщина с короткой стрижкой, грубым голосом, в неизменном брючном костюме темно-синего цвета. Самая избитая сплетня, обыгрывая все эти факты, уверяла, что настоятельница является плохо замаскированным мужчиной, кое-кто заикался даже о гермафродитизме.

Некоторые недалекие воспитанницы опускались до того, что пробовали строить глазки, что приводило к очень негативным последствиям.

Сама Лина иногда думала, что их грозная наставница – вообще не человек. Невозможно было поверить, что подобное существо могло зародиться и вырасти естественным путем. Ленка, регулярно посещающая своих родителей, часто пересказывала подругам содержание различных гражданских фильмов ужасов. Некоторые просто до боли напоминали настоящую биографию настоятельницы: рождение в секретной лаборатории, содержание в бронированной клетке, затем кровавый бунт против создателей. Правда, режиссеры никогда не отправляли своих монстров на пенсию – истязать детей в стенах специфического учебного заведения. Немудрено, вряд ли подобный конец сильно понравится нормальным зрителям.

Почувствовав на себе холодный взгляд, более подходящий тропической анаконде, чем человеку, Лина внутренне поежилась, с трудом сохранив при этом бесстрастное лицо. Сокрушенно покачав головой, Мюллер язвительно произнесла:

– Ветрова! Как приятно, что ты все-таки надумала посетить наш маленький девичник. Если я когда-нибудь надумаю умирать, то обязательно пошлю тебя за смертью. У меня будут весьма неплохие шансы получить вечную жизнь!

Девушка усомнилась, что смерть настолько неосторожна, что рискнет приблизиться к настоятельнице, и поспешно отчеканила:

– Виновата! Обещаю, это больше не повторится!

– Если бы я верила вашим лживым обещаниям, здесь бы давно дымилась радиоактивная пустыня! Встать в строй!

– Есть!

Лина поспешно пристроилась рядом с двумя подругами, тихо радуясь, что благодаря своему невысокому росту ей не надо расталкивать их в стороны. Вытянувшись в струну, она замерла, сливаясь с окаменевшими старшими воспитанницами. Посверлив ее тяжелым взглядом, Мюллер, сложив руки за спиной, заявила:

– Раз уж вы все соизволили наконец явиться, то можно приступать к делу. Сразу огорчу плохим известием: наше руководство приняло окончательное решение. Оно посчитало, что вам больше нечего нежиться в стенах нашего курортного заведения. Что ж, лично я этому рада! Избавившись от трех никчемных дармоедов, мы сэкономим немало продовольствия. К моему великому удивлению, дегенераты, в силу чудовищного недоразумения командующие отделом распределения, не стали направлять вас сразу на панель, где вам самое место. Вместо того чтобы использовать шалав по прямому назначению и получить для Ордена хоть немного денег, они решили по-своему. Впрочем, может, это и верно, с такими отвратительными рожами, как у вас, придется в поте лица вкалывать круглые сутки, чтобы заработать на буханку черного хлеба. Не так ли?

– Так точно!!! – хором выкрикнули девушки.

– Рада, что вы со мной согласны! Ну что же, целых два месяца вы проведете вне стен вашего любимого заведения, работая в различных филиалах Ордена. Если наши руководящие дегенераты останутся довольны результатами, то ваша жизнь несколько изменится. Вы получите постоянное назначение и больше не будете меня раздражать своей беспросветной тупостью. Если кто-то из вас собирается провалить практику и еще один год осквернять своей вонючей тушей стены моего почтенного заведения – милости прошу! Но хочу сразу предупредить – ваша жизнь наполнится крайне неприятными моментами, а так как ставить на довольствие я вас больше не буду, то придется питаться тем, что кто-то уже съел до вас. Есть желающие остаться?

– Никак нет!!!

– Врете! – убежденно заявила Мюллер. – Я вас, шалав, насквозь вижу! Ну да ладно, надеюсь, что хоть эхо моих слов сохранится в ваших пустых головах. Очень не советую опозориться, я обещаю: вас встретят здесь не очень приятно. Подробности опускаю, но клянусь, такого кошмара вы не увидите ни в одном из этих дурацких фильмов ужасов. Запомнили?

– Так точно!!!

– Очень сомневаюсь. Такие дуры, как вы, каждое утро в паспорт заглядывают, чтобы не забыть свою фамилию. Впрочем, неважно. Итак, Меркулова Виктория?

– Я!

– Балтийский регион. Стокгольм. Степанова Елена?

– Я!

– Центрально-Российский. Екатеринбург. Ветрова Алина?

– Я!

– Восточно-Российский. Хабаровск. Все поняли?

– Так точно!!!

– Ну что же, будем надеяться! Не буду вас поздравлять, мне до сих пор не верится, что вы можете понимать членораздельную речь, так что нечего напрасно переводить слова. Немедленно отправляйтесь в канцелярию, там вам выдадут направления, документы, деньги и билеты. До полудня соберите все свои жалкие лохмотья, вас начнут развозить по начальным точкам маршрутов. И не забудьте захватить с собой линейки, чтобы по окончании практики вы могли сравнить друг у друга общий метраж встреченных вами членов. Понятно?

– Так точно!!!

– Ну, это вы точно поняли хорошо и наверняка запомните, даже не сомневаюсь. Марш отсюда! Ветрова, а тебя я попрошу остаться.

«Семнадцать мгновений весны» здесь крутили каждый год. Ленка не выдержала, еле заметно улыбнулась. Реакция была мгновенной:

– Степанова!!!

– Я! – перепуганно выкрикнула девушка.

– Не подскажешь ли нам причину твоего бурного веселья? Кто знает, может, мы посмеемся вместе?

- Виновата!

- Ну, раз виновата, то будем наказывать! Времени до полудня еще вполне достаточно, почистишь все унитазы в учебном блоке.

Глядя на вытянувшееся лицо воспитанницы, Мюллер ехидно поинтересовалась:

- Чем-то недовольна?

- Никак нет!

- Вот как? А мне почему-то показалось наоборот! Ты наверняка хотела успеть сделать прическу на интимном месте и выбрить задницу, а я помешала твоим наполеоновским планам! Но ничего не поделаешь – приказ есть приказ, тебе придется его выполнять. Кстати, если я замечу на унитазе хоть маленькое пятнышко, то вытру его твоей пустой головой, все равно она больше ни на что не годится. Более того, с получившейся прической и своей волосатой, небритой задницей ты отправишься покорять большой мир. Все поняла?

- Так точно!

- Марш отсюда!

Сказать, что Вика с Леной вышли быстро, это не сказать ничего – они попросту испарились. Лина лихорадочно перебирала в голове все события последних дней. Она была совершенно уверена, что Мюллер собирается устроить ей жестокий разнос, но не знала, за что именно. Самое страшное из прегрешений произошло два дня назад. В читалку учебного корпуса одна из младших тайком пронесла привезенный из отпуска женский эротический журнал. Он поспешно пошел по рукам; Лине удалось увидеть несколько неправдоподобных, каких-то искусственных парней с минимумом одежды или даже вовсе без нее. Но тут вошла инструктор, погнала всех старших на практические занятия. Некоторые из более удачливых девушек уверяли, что на последних страницах можно было хорошо рассмотреть член.

Под рентгеновским взглядом Мюллера Лина почувствовала, что еще немного – и начнет дымиться. Она приготовилась к любой каре, но первые слова

настоятельница едва не выбили ее из равновесия:

- Не передумала?

- Что? - не поняла девушка.

- Как я и говорила, - снисходительно констатировала Мюллер, - вы все беспросветные дуры! Ты хоть смутно помнишь о своем идиотском заявлении?

- Так точно! Оно даже ночью стоит у меня перед глазами!

- Перед глазами у тебя стоит тот вонючий член, который ты так и не увидела в читальном зале. Понравился журнальчик?

- Не могу знать! - выкрикнула Лина.

Девушка отчетливо поняла, что пропала окончательно, и пожалела, что до сих пор не похоронена. Ее удивляло только то, что она стоит здесь совершенно одна, ведь в позорном просмотре участвовало довольно много воспитанниц. Но, как бы там ни было, признаваться ни в чем нельзя, иначе пострадают другие подруги. Перед глазами выросла вереница чудовищно грязных унитазов, уходящая в бесконечность. Она поняла, что ее практика накрылась медным тазом. Но Мюллер все продолжала удивлять. Заложив руки за спину, она принялась мерить кабинет от стены к стене:

- По своим психофизическим параметрам ты не соответствуешь требованиям, предъявляемым к составу оперативных групп. Твой рост на семь сантиметров ниже минимально рекомендованного, масса тела тоже невелика, тебя задавит любой рослый противник одной голой силой. Черты характера и вовсе не подарок: ослиное упрямство, ненормальная склонность к обсуждению приказов, эмоциональная неустойчивость, низкая коммуникабельность. Это не те качества, что ценятся среди людей, чья жизнь может зависеть от твоих действий.

Лина слушала настоятельница молча, не дрогнув ни одним мускулом. Но мысленно она не умолкала ни на мгновение, ее губы еле заметно шевелились, дерзко противореча всем высказываниям Мюллера: «Да, я невысокая, но зато очень хорошо прыгаю, достану любого дядю. Легкая, но благодаря этому могу

очень быстро передвигаться. Меня не страшит любой противник, ведь мои удары подобны сверкающим молниям. Я упряма, но с блеском выполню любой приказ. Я спокойнее скалы – я сама как скала. А коммуникабельность – откуда ей взяться? С одиннадцати лет я не покидаю стен этого жуткого Монастыря, где не вижу никого, кроме нескольких женщин, других воспитанниц и единственного мужчины – старого привратника Матвея».

Резко повернувшись, Мюллер поинтересовалась:

– Ты хотела что-то сказать?

– Никак нет!

– Хотела! Только боишься до недержания мочи! Вот что я тебе хочу сказать: как сенс ты тоже абсолютно ничего не стоишь, но в Южно-Российском регионе есть неплохая вакансия для полных бездарей. Тебе там найдется довольно неплохое местечко – солнце, фрукты, горячие парни. Будешь дежурить на подхвате во время облегченных вахт. Такой шалаве, как ты, – полная благодать. Ну как?

Судорожно сглотнув, Лина покачала головой, не глядя на Мюллера:

– Не могу согласиться! Прошу вас, позвольте мне пройти выпускную практику в любом оперативном отделе!

– Значит так? – угрожающе пророкотала настоятельница. – Ну что же, можешь радоваться – твоя взяла! В силу чудовищного недоразумения ты считаешься лучшей ученицей старшего курса, со всеми вытекающими последствиями. Твоя привилегия – выбор условий практики. Если еще не передумала, то, согласно заявлению, отправишься в оперативный центр города Хабаровска, тебя включат в состав поисковой группы быстрого реагирования. Там частенько случаются ложные тревоги, ты вволю попутешествуешь по непролазным дебрям, цепляя на свою тощую задницу энцефалитных клещей. Может, с оказией даже попадешь в Заполярье. Это далековато, но там частенько не хватает сотрудников, вот и привлекают из соседних филиалов. Летом там очень хорошо – целых два дня в году. По окончании теплой поры в туалет надо прихватывать пилу, иначе не избежать неприятностей. Учти, на твоём месте любая уже давно бы до зеркального блеска вылизала мои ботинки, слезно уговаривая отправить в Южно-Российский регион. Даю последний шанс, ну?

- Хабаровск, - твердо ответила Лина.

- Перечитай? - прошипела настоятельница.

Девушка отчетливо поняла - она сейчас очень близка к тому, что отправится помогать наказанной Ленке. Но даже явственное видение шеренги унитазов не заставило ее изменить своему давно обдуманному выбору:

- Никак нет! Просто прошу вас удовлетворить мое заявление!

- Поисковики тебя удовлетворять будут, разложив прямо на оленьем пастбище вместе с твоим безграмотным заявлением! Не пояснишь ли своей любимой настоятельница, чего тебя понесло именно к ним? Или предполагаешь, что у оперативных работников самые длинные члены?

- Никак нет! Я считаю, что с моим низким уровнем восприятия совершенно нечего делать в центрах обнаружения и аналитических группах. Штабная и координирующая служба не привлекает. Для сотрудников кризисных центров и бойцов спецотрядов мне не хватает физических данных. Я просто не сумею управиться с их тяжелым вооружением. В боевые дружины на практику не берут. Поэтому, на мой взгляд, для меня остается только оперативная или техническая работа. Но к последней меня вряд ли допустят - это прерогатива мужчин.

- А с чего ты вдруг решила, что на оперативной работе нужны такие полные кретинки? - ухмыльнувшись, поинтересовалась Мюллер.

- Я смею надеяться!

- Ну так вот что я тебе скажу про оперативную работу! - От голоса настоятельница задрожали вековые стены. - Первым делом тебя там обязательно трахнут. Вторым делом - снова трахнут. Тебе придется стараться вовсю, обслуживая коллектив горячих мужчин в течение целых двух месяцев. Ты для них будешь просто подарком судьбы, скрасившим скучные будни. Поняла?

- Так точно! - выкрикнула Лина и сжала губы.



- Что-то не нравится?

- Никак нет!

- Конечно, что тут может не понравиться! Все наши проститутки, и ты первая, только и мечтают о такой практике, так что тебе невероятно повезло. Рада?

- Так точно!

- Я в этом и не сомневалась! Но вот что хочу тебе по-дружески посоветовать. Как только окажешься снаружи, немедленно беги в ближайшую больницу и проси, чтобы тебя как можно быстрее стерилизовали. Если ты припрешься сюда после практики беременной, я своими руками немедленно сделаю тебе аборт без всяких инструментов и наркоза. Понятно?

- Так точно!

- Нет, - угрожающе прошипела настоятельница, - ты меня так и не поняла. Посмотри сюда!

Перед лицом Лины замерла огромная ладонь, габаритами и формой напоминающая помятую штыковую лопату. Бугрились гипертрофированные костяшки указательного и среднего пальцев, ребро ладони было покрыто окостеневшей, мозолистой кожей. Девушка внезапно вспомнила ночные страшилки о том, как Мюллер рубила руками головы плохо успевающим воспитанникам. Сейчас они уже не казались ей смешными, она автоматически сжала свои слабые кулаки. С начала обучения Лина хорошо понимала, что вряд ли сможет когда-нибудь дробить каменные стены, и не стала развивать технику разрушения твердых предметов, для чего требовалось сурово закалять руки в ущерб ловкости пальцев. По сравнению с кулаком настоятельница ее собственный выглядел просто младенческим.

- Рассмотрела? - спросила Мюллер.

- Так точно!

- Запомни: вот этими руками, без инструментов и наркоза! Вон отсюда!

Сказать, что выпускница выскочила из кабинета быстро, – значит не сказать ничего. Закрыв за собой дверь, она едва не упала от противной слабости в коленках. Столь долгое общение с Мюллером могло свалить с ног молодого индийского слона. По коридору промчались три ученицы из младшей группы, сочувственно покосились в ее сторону. Тряхнув головой, девушка снялась с места, упругим, легким бегом направляясь в сторону канцелярии. Возле входа ее дожидались Вика и Ленка. Завидев в их руках большие конверты, она издали воскликнула:

– Вы уже все?

– Там дел всего на одну минуту, – ответила Вика. – Как ты?

– В одной секунде от инфаркта, – вздохнула Лина.

– Чего она тебя оставляла? – нетерпеливо спросила Ленка.

– А, так! Усиленная клизма. Тебе не повезло гораздо больше.

– Ладно, я побежала. Надо еще успеть отдраить эти проклятые унитазаы.

Ленка исчезла, а Вика поинтересовалась:

– Ну как?

– Опергруппа. Мюллер хотела загнать на юг, но я не отказалась от своего заявления.

– Дурная! Да туда половина наших мечтает попасть! Тем более на лето! Хоть бы море увидела!

– Нет. Это не для меня. А в местной опергруппе вакансий никогда нет, ты же сама понимаешь, туда очередь на век вперед.

– Значит, Хабаровск?

– Да. Прививки от энцефалита сделаны, так что меня здесь больше ничего не держит.

– Ладно, я побегу, а то кому-нибудь на глаза попадемся и будем дружно Ленке помогать.

Встав на пороге канцелярии, Лина бодро отрапортовала:

– Ветрова Алина! Прибыла для получения сопроводительного пакета на выпускную практику!

Рината Павловна медленно подняла голову. Эта сидящая крупная женщина отличалась редким для Монастыря благодушием, она была одной из немногих сотрудниц, повадками и обликом не напоминающей сторожевых овчарок, выращенных на человеческом мясе. Воспитанницы между собой нежно величали ее Буренкой. Приветливо кивнув выпускнице, она ласково произнесла:

– Присядь, Алина.

Видя замешательство девушки, Рината Павловна покачала головой:

– Малышка, тебе надо привыкать. Там, снаружи, никто ведь не поймет, если ты станешь вскакивать по стойке смирно от любого громкого слова.

Девушка нерешительно присела на край стула. Она действительно чувствовала себя не слишком удобно, расслабляясь в присутствии штатного сотрудника Монастыря. Буренка тем временем встала, ушла за стеллаж, заставленный пухлыми папками и боксами с компьютерными дисками, позвенела посудой, вернулась с маленьким подносом, поставила его на стол. Подвинув чашку в сторону Лины, она ласково произнесла:

– Выпей чаю, тебе надо хоть немного успокоиться после беседы с настоятельницей.

– Я спокойна! – чуть ли не выкрикнула девушка.

Укоризненно покачав головой, Рината Павловна произнесла:

- Неужели ты думаешь, что так легко обманешь Буренку?

Лина, услышав кличку, смутилась, а женщина, улыбнувшись, продолжила:

- У тебя руки немного дрожат, да и присела ты с явным облегчением. После беседы с нашей строгой настоятельницей у многих отказывают ноги, причем не только у воспитанниц. Пей чай и обязательно попробуй печенье. Оно не из магазина - домашнее, мне сестра вчера прислала. Такого ты еще не ела, гарантирую.

Лина послушно поднесла чашку к зубам, неловко звякнула зубами о край.

- Крепко тебе досталось, - посочувствовала Рината Павловна. - Что она хотела? Требовала забрать заявление?

- Так точно!

- Алина! Успокойся немедленно! Забудь про свой казарменный лексикон. В этом кабинете тебя никто не тронет, честное слово. Расслабься, считай, что перед тобой сидит одна из подружек. Ты же не обращаешься к ним по правилам учебного устава?

- Никак нет! То есть... - Лина смутилась. - Извините, мне трудно говорить с вами как с обычным человеком.

- Понимаю. От подобных привычек очень нелегко отказываться. Ты, наверное, боишься, что в большом мире тебе придется нелегко?

- Да. Я в Монастыре с одиннадцати лет.

- Знаю. А до этого с трехлетнего возраста воспитывалась на Алтайской базе, что немногим лучше. Не так ли?

- Так точ... То есть да.

Широко улыбнувшись, Рината Павловна мягко произнесла:

– Не бойся, все будет хорошо. Мир сложен и прост одновременно, человек такое неприхотливое создание, что быстро привыкает ко всему. Тебе до смерти надоел наш Монастырь, но и большой мир представляется чем-то опасным, совершенно неизвестным. Ведь так?

– Да. Вы правы. Восемь лет я не удалялась от Монастыря дальше главного полигона. Здесь нет телевидения и радио, вся информация о внешнем мире идет от немногих урезанных газет и рассказов подруг, изредка посещающих свою родню. Иногда мне кажется, что, кроме этих зданий, стрельбищ и учебного полигона, здесь больше ничего нет.

– Не переживай, – тем же мягким тоном произнесла Рината Павловна. – Еще до вечера ты убедишься, что это не так. И не бойся большого мира, это он должен тебя бояться.

– Почему? – изумилась девушка.

– Милая моя, посуди сама. Когда тебя восемь лет назад привезли в Монастырь, ты, после Алтайской базы, уже выделялась на фоне остальных учениц своей великолепной физической подготовкой и молниеносной реакцией. Здесь, под руководством наших опытных наставниц, из тебя сотворили то, что в современных фильмах называют машиной смерти.

– Я такой фразы не слышала.

– Немудрено. Вам попросту не показывают такие фильмы. Наша уважаемая настоятельница считает своей главной задачей оградить вас от разлагающего воздействия современной загнивающей культуры. Но мы немного отвлеклись от главной темы. Сейчас, после восьми лет сурового обучения, ты можешь не бояться практически ничего. В большом мире много различных опасностей, но тебе не стоит их слишком опасаться. Наши технологии обучения очень древние и совершенствуются с каждым годом. Если бы подобными методиками обладала какая-нибудь страна, ее руководство могло всерьез рассчитывать на мировое господство. Так что не бойся, в крайней ситуации ты всегда сможешь воспользоваться боевыми навыками, мало кто в большом мире сумеет с тобой сравниться.

- Но я применяла их только в обычных учебных схватках!

- Не переживай. Наше обучение бесследно снимает с воспитанниц множество обычных моральных запретов. В случае необходимости ты убьешь, даже не задумываясь и без всякого сожаления. Ты ешь, ешь, печенье очень хорошее.

Чуть помолчав, Рината Павловна как-то нерешительно произнесла:

- Послушай, Алина, а может, тебе и правда лучше остаться в каком-либо региональном центре на более спокойной, приятной работе? Нет, не дергайся так возмущенно, я просто рассуждаю вслух. Ты ведь не просто молодая девушка - у тебя совсем нет навыков практической работы. Не делай такие страшные глаза - это действительно так. Да, я прекрасно знаю, что ты можешь перепрыгнуть через двухметровую стену, с закрытыми глазами разобрать станковый гранатомет и легко справишься с управлением современного боевого вертолета, если вдруг в этом возникнет насущная необходимость. Но пойми, с этими агрессивными способностями ты - простая боевая машина. Да, вряд ли с тобой сможет сравниться хоть кто-то из будущих коллег. Большинство оперативников прошли укороченные, простые курсы и не слишком рьяно поддерживают свою физическую форму. Полных выпускниц Монастыря очень немного, мы не воспитываем кого попало, вас тщательно отбирают с детских лет, большинство отсеивается в ходе обучения. Но у них есть свое преимущество - опыт и знания, которые невозможно получить теоретическим путем. Учти, физическая подготовка для оперативников вовсе не главное. В случае, если ситуация действительно потребует жестких мер, они сразу вызывают мобильную группу поддержки. Подоспевший спецотряд может легко превратить в лунную поверхность несколько гектаров, вот для этого им и нужна большая физическая сила. Но тебя туда никогда не примут, сама понимаешь: не та комплекция, ты попросту не удержишь тяжелый «Тайфун». Прости, но с твоим телосложением прямая дорога в балерины.

- А Нельма?

- Ты видела эту женщину, ставшую легендой еще при жизни?

- Нет, конечно!

- В ней было под два метра роста, центнер мускулистого тела. При таких габаритах она, не снимая брони, пробегала стометровку менее чем за одиннадцать секунд. Ребром ладони легко перебивала стопку кирпичей, без труда могла порвать толстую книгу. Я могу долго перечислять ее невероятные достижения, но, думаю, общую идею ты уловила.

- Да.

- В оперативной группе ты можешь прийти не ко двору. Там свой, довольно сплоченный коллектив, они прекрасно знают достоинства и недостатки друг друга. Если повезет, ты до конца практики будешь просто готовить им кофе. В худшем случае можешь стать серьезной помехой их работе, достаточно взглянуть на себя в зеркало повнимательнее. Более того, все они неплохие психологи и быстро вычислят, где ты проходила свою подготовку. Отношение к нашему заведению довольно неоднозначное, ты не поверишь, сколько в Ордене циркулирует нелепых слухов о воспитанницах. Мало кто считает вас нормальными людьми, так что готовься к весьма специфическому отношению.

- А при чем здесь зеркало?

- Алина, ты довольно красивая девушка, а работать придется в классическом мужском коллективе. С твоей неопытностью и полным незнанием жизни могут возникнуть весьма серьезные проблемы. Я думаю, это почти неизбежно.

- Зачем тогда нас держат здесь как в концлагере? Как мы можем подготовиться к нормальной жизни?

- Ответов тут несколько. Во-первых, выйдя из этих суровых стен, вы будете обладать чистым, незамутненным сознанием, что наряду со специальной подготовкой зачастую дает весьма неплохие результаты. По-другому этого не добиться, поверь, экспериментов было множество, но лучше Монастыря еще никто ничего не создал. Во-вторых, на время выпускной практики девушек размещают в региональных центрах. Там к ним уже давно привыкли, пристраивают в смешанные коллективы аналитиков или сенсов, есть специальные сотрудницы, помогающие им в разных житейских вопросах. В общем, все неплохо отлажено. Но тебе придется отправиться в рядовую опергруппу, где придется рассчитывать только на себя. Понимаешь?

- Да.

- Но вряд ли себе представляешь, чего это будет стоить. Ты не ищешь легких путей. Почему именно опергруппа?

- Я твердо считаю, что только в ее составе могу реализовать свои способности.

- Может, и так, - согласилась Рината Павловна. - Однако всем хорошо известно: роль оперативников в жизни Ордена весьма скромна. Боевые ситуации в их работе скорее исключение, чем правило. В основном нудные рутинные проверки. Ты наверняка мечтаешь о большем. Я ведь отлично вижу твою целеустремленность.

- Каждый мечтает о большем.

- Хочешь стать членом боевой дружины?

Лина сама не заметила, как заговорила помимо воли:

- Да. И я не вижу ничего плохого в таком желании.

- Ты видела фотографии в фойе. Очень многие из этих девушек были оттуда. Почти все они погибли, так и не дожив до зрелых лет.

- Я не боюсь смерти!

- Глупышка, да ты просто еще не знаешь жизни. Твои шансы попасть в боевую дружину пренебрежительно малы. Такими, как ты, там полы по вечерам подметают.

- Это моя жизнь и моя мечта! - чуть не выкрикнула Лина. - Почему все вокруг хотят мне помешать?!

- Ну что ты, не волнуйся так сильно, - успокаивающе протянула Рината Павловна. - Не надо так переживать. Просто мне страшно, что с тобой будет, когда сама поймешь - мечта недостижима. Такой удар ты воспримешь очень тяжело.



- Переживу!

- Ну что же, - вздохнула женщина. - Это действительно твоя жизнь.

Выдвинув ящик стола, она достала плотный коричневый конверт, принялась отдавать последние инструкции:

- Здесь документы. По ним ты, Ветрова Алина Игоревна, - сотрудница федерального бюро охраны атомных объектов мирного назначения. Возраст двадцать один год - ты не намного младше. Таким образом, мы почти ничего не меняли в реальных данных. Паспорт, водительские права, пропуск, удостоверение, разрешение на ношение оружия. Вот.

Рината Павловна выложила рядом с пакетом зарядное устройство к телефону и кобуру с пистолетом.

- Патроны вполне обычные, стандартные, но оружием старайся не светить, в большом мире это не принято. Чем меньше ты привлекаешь к себе внимания, тем лучше. Авиабилет до Хабаровска, в аэропорт тебя привезут на машине, она уже заказана. Немного наличных денег, кредитная карточка - пользуйся ею свободно, только «мерседес» покупать не стоит. Мобильный телефон. Оплачивать разговоры не надо, это не твоя забота. На цифру «1» завязан диспетчер Восточно-Российского региона, «2» - дежурный по Монастырю, в памяти много и других полезных номеров, но, чтобы их увидеть, введи свой персональный код. Как приедешь, можешь позвонить по номеру, завязанному на цифру «0»: это руководитель филиала - Панарин Игорь Владимирович. Все, можешь быть свободна, - почти сухо произнесла Рината Павловна и добавила: - Рекомендую принять перед дорогой душ, кто знает, когда им можно будет воспользоваться в следующий раз.

- Я могу идти?

- Да. И помни: даже в наших стенах никому нельзя верить, а за ними - тем более. Рассчитывай только на себя.

Выйдя из канцелярии, Лина энергично потерла виски. В течение беседы у нее возникло стойкое давящее ощущение. Она подозревала, что милейшая Буренка

ее попросту наглым образом пыталась прозондировать и что-то внушить. Но девушка была начеку, она и без ее советов не отличалась излишней доверчивостью. Легкой трусцой забежав в фойе, она резко затормозила: в дверях на улицу стояла Кобра. Рослая инструкторша не видела девушку, она смотрела на улицу, где мимо здания пробежала спаренная колонна младших учениц. Все были жестоко одеты в душный зимний камуфляж, на плечах расхлябанно болтались большие армейские автоматы. Задняя пара, наказанная за какие-либо незначительные проступки, пыхтела изо всех сил, стараясь не отставать. Они тащили ящик с патронами.

Проскочить незамеченной было невозможно, а показываться инструкторше на глаза – чревато: у Лины до сих пор побаливала голень с их прошлой встречи. Кобра с удовольствием старалась завести со старшими воспитанницами душевный разговор, чтобы в самый неожиданный момент нанести коварный удар. Она называла этот мерзкий садизм мероприятиями по сохранению бдительности. Иногда эта гестаповка приказывала какой-нибудь соплюхе из младших сунуть в чей-нибудь бок жало шокера или сотворить другую подобную пакость. После ее мероприятий некоторые едва не оставались заиками и вздрагивали от собственной тени. Лина осторожно нащупала пистолетную рукоять, не видную под форменной курткой. Усмехнувшись, она подумала, что если пристрелит инструкторшу, то станет местной легендой. Возможно, ей даже ничего за это не будет. Кобру недолюбливали, и всегда можно сослаться на то, что она сама спровоцировала выстрел. Этому охотно поверят многие.

Как бы почувствовав, что дело пахнет керосином, Кобра упругим шагом последовала вслед за ушедшей группой. Лина, облегченно вздохнув, немедленно бросилась к жилому корпусу. Надо было успеть сдать постельное белье, помыться, собрать вещи. К полудню необходимо все закончить, времени осталось не так уж много.

Рината Павловна, коротко постучав, зашла в кабинет настоятельницы. Та, подняв голову от бумаг, откинулась на спинку стула, вытащила из-под столешницы пачку сигарет, ловким щелчком выбила парочку. Одну протянула начальнице канцелярии, вторую поднесла к настольной зажигалке. Обе женщины с удовольствием затянулись. Выпустив первый глоток дыма, настоятельница поинтересовалась:

– Ну и?

- Глуха и слепа.

- Плохо уговариваешь, Буренка. Теряешь форму: твое печенье еще декабристов помнит, девчонка наверняка все зубы переломала.

- Не нравится – устрой сюда штатного психолога, пусть старается.

- Нельзя.

- А что такого? Немного понатаскаем, зарплату предложим – как у министра нефтяной промышленности.

- У нас она сама быстренько с катушек съедет, даже недели не протянет.

- Тогда не лезь к моему печенью, Мюллер!

Затушив недобитую сигарету, настоятельница заявила:

- Готовь документы на отчисление Ветлугиной.

- А ее-то за что?

- Потенциальная лесбиянка.

- Да у нас только Матвей не потенциальная лесбиянка! Что ты хотела от воспитанниц – их половое созревание проходит в этих стенах, среди подружек и сотрудниц. Бедняжек может возбудить один вид мумии фараона!

- Это их проблемы. Вся энергия должна идти на подготовку, если у кого-то гормоны прут не в ту сторону – ей здесь не место. У нас все-таки Монастырь, а не вертеп. Нечего позорить тех, чьи фото и портреты висят у нас в фойе.

- Ну ты даешь, – усмехнулась Рината. – Скоро начнешь выражаться не хуже нашей Каркуши.

- Кто б мычал! – усмехнулась настоятельница. – Ладно, вернемся к нашим баранам. Как тебе общее впечатление?

- Сыровата!

- Что ты хотела? Девятнадцать лет. Детство в заднице гуляет. Меня больше интересует эмоциональная сфера, а именно – не сбрендит ли она вконец?

- Практически все наши выпускницы эмоционально неустойчивы в большей или меньшей степени. Процент самоубийств и случаев немотивированной агрессии просто невероятен. Мы с детских лет калечим их души, но, одновременно, не даем загубить окончательно. Результаты налицо.

- Ты можешь предложить другую методику обучения? Наши малютки готовы зубами грызть танковую броню, если это потребуется для выполнения приказа. На Гавайях бывшая воспитанница недавно всмятку отметелила четырех доблестных морских пехотинцев, как грудных младенцев!

- Да знаю! Эти герои, кстати, на нее заявление в полицию написали. Не постыдились.

- А что ты хотела – Америка! Правовое государство. Круче наших малышей нет никого, если, конечно, не считать монастырских мальчиков. Но их готовят аналогично, с тем же отсевом. Так ты говоришь, сыровата?

- Да. И думаю, работа в опергруппе ей не очень пойдет на пользу.

- Но и не помешает. Пусть посмотрит на жизнь без всяких нянек – сама напросилась, мы не виноваты.

- Не боишься? Жизнь со всеми доступными соблазнами! Это же простая девчонка – вдруг пустится во все тяжкие. Эмоциональная неустойчивость, сама понимаешь.

- Мы не сможем ее водить всю жизнь за ручку. Хочет научиться плавать – пожалуйста. Бросим в воду, пусть выкарабкивается, как знает.

– Может, оно и верно. Опасные моменты у оперативников бывают очень нечасто. Так что вряд ли ее жизни будет что-то угрожать.

– Согласна. Не хотелось бы глупо потерять эту многообещающую воспитанницу во время прохождения обычной выпускной практики.

– Ясное дело. Ну так как там, по поводу Ветлугиной?

– Отчисляем! Без всяких разговоров и объяснений. К чему придраться – всегда найдется, о настоящей причине даже не заикаемся.

– Ей пятнадцать, она уже неплохо подготовлена.

– На Алтайскую базу. Там доучат, без дела не останется, а при тамошних парнях о своих фантазиях позабудет.

– Будем надеяться.

Дверь открылась без стука, на пороге пустой казармы выросла младшая воспитанница:

– Старшая учащаяся Ветрова! За вами пришла машина!

– Брысь отсюда, зародыш! – цыкнула Вика.

Младшую сдуло в один миг, подруги обнялись, прощаясь. Им никто не мешал, все здешние воспитанницы были сейчас на занятиях.

– Ничего, будем перезваниваться, – сказала Лина.

– Эх! Жаль, что мы с тобой не вместе!

– Ты же знаешь, так не положено.

– Все равно! Вместе мы сила! Давай! И не забудь телефоны, мой и Ленкин.

– Давай! Думаю, тебя тоже скоро увезут.

Время уже приближалось к двум часам дня. Лену забрали сразу после полудня; выпускниц всегда вывозили поодиночке, рассчитывая доставить к поезду или самолету, чтобы они не шатались без дела. Лина вышла во двор, чувствуя себя довольно странно. Впервые она шла через плац простым шагом. По дворовой территории Монастыря и широким коридорам учебного и административного зданий разрешалось передвигаться только легким бегом. Бесцельное стояние или несколько обычных шагов карались довольно строго. Но сейчас ее плечо оттягивала огромная спортивная сумка, на спине болтался маленький рюкзак. Ее никто не станет заставлять бегать с такой ношей.

Дойдя до середины плаца, она едва не застонала в голос. Наперерез спешила Каркуша. Спасаться было совершенно невозможно, Лина поспешно напустила на себя дебильно-возвышенный вид. Воспитательница Инга Николаевна имела огромную страсть к произнесению идиотских патетических речей. Она была настолько тупой, что даже не подозревала о своей тупости. Ее терпели за мастерское обращение с младшими воспитанницами, многие девочки в возрасте от десяти до двенадцати лет слушали ее, разинув рты, но к тринадцати неминуемо обгоняли свою воспитательницу в интеллекте, она становилась им неинтересной. Те, кто продолжал прислушиваться, безжалостно отчислялись. Полные дуры в Монастыре не приветствовались.

– Алиночка, что же ты ко мне не зашла на прощание!

– Виновата! Не хватило времени!

– Ты могла не собирать вещи, но зайти ко мне просто обязана!

– Виновата! Исправлюсь!

– Ладно. Я все-таки тебе кое-что на прощание скажу. Слушай меня внимательно, столь важных слов тебе еще никто не говорил! Поняла?

– Так точно!

– Знай, перед тобой сейчас откроются двери большого мира. Ты не должна там забывать о нашем Монастыре и его правилах. Помни: ты являешься носителем его чести, не посрами ее неблагоприятными поступками. Не забывай о тех, чьи фото и портреты вывешены в административном здании. Поклянись, что приложишь все силы для того, чтобы твое изображение появилось среди них!

Приняв самый глупый вид, Лина выкрикнула:

– Клянусь приложить все силы, чтобы погибнуть при прохождении практики!

– Ты что несешь? – охнула Каркуша. – Что значит погибнуть?

– Но, Инга Николаевна, – вид Лины был сама невинность, – ведь, чтобы попасть на стену фойе, надо сначала погибнуть при выполнении долга или как минимум умереть своей смертью, получив до этого множество высших наград. За два месяца я просто не успею этого добиться, придется погибать героической смертью при выполнении приказа!

Воспитательница растерянно захлопала глазами: этот момент она совершенно упустила из виду. Инструкторы, собирающиеся на плацу для послеобеденного разбора групп, стали ехидно посмеиваться. Инга Николаевна, поняв, что надо быстро закругляться, поспешно заявила:

– Ладно, Ветрова, можешь идти. Не забудь мои слова!

– Так точно! Буду стараться!!!

Инструкторы откровенно рассмеялись, воспитательница покраснела, как переспевший помидор. Лина направилась к парадным воротам – там, у калитки, уже нетерпеливо переминался Матвей.

Это была еще одна интригующая местная легенда – единственный мужчина, работающий в Монастыре. Возраст его был неизвестен, но по виду он вполне годился в прадедушки библейским старцам. Вместо ног у него были скрипучие зловещие протезы, на руках в сумме набиралось всего семь пальцев, голова была совершенно лысой и сплошь покрытой ужасными шрамами, ушей не было,

а левый глаз скрывала черная повязка. По всеобщему мнению учениц, члена у него тоже не было, причем скорее всего с самого рождения. Никто и никогда не смог поймать на себе его заинтересованный взгляд. Про него ходило много разных слухов – от смешных до очень страшных. Лине особенно нравилась избитая сплетня о том, что он – бывший любовник настоятельницы. Та обгрызла его собственными зубами, как поступают самки пауков «черная вдова» со своими бедными дружками после спаривания, но до конца не доела и, пожалев, оставила на легкой работе – следить за парадным входом.

Покачав своей бугристой головой, Матвей угрюмо буркнул:

– Сколько тебя можно ждать? Я едва последние протезы не стоптал.

– Да я не виновата! Разве от нее можно отделаться!

– Ладно, проходи.

Привратник открыл металлическую калитку, грубо покрашенную мерзкой зеленой краской. Сердце девушки предательски дрогнуло, она ступила вперед. Остановилась, оглянулась. На нее смотрели с плаца все инструкторы, а за их спинами возвращалась группа со стрельбища. У них больше не было ящика с патронами, все воспитанницы были страшно грязные, явно не один раз штурмовали Таити – так в простонародье именовалось неимоверно вонючее тренировочное болото. По слухам, туда ежегодно сваливали несколько тонн навоза и дерьма. На этой почве у многих развивалась нешуточная фобия: девочки боялись нечаянно хлебнуть этой мерзкой жижи и подцепить многометровых паразитов.

– Тебе чего, пинка не хватает? – поинтересовался Матвей.

– Прощай, – коротко ответила Лина и направилась к машине.

Водитель поспешно вышел, открыл багажник. Рассмотрев, что это довольно красивый молодой парень, не старше двадцати пяти лет, Лина несколько удивилась. Но и только. Она испытала эмоций не больше, чем при виде древнего Матвея. Бросив сумку в багажник, девушка открыла дверь, села на переднее сиденье. Водитель вернулся, занял свое место, посмотрел веселым, нагловатым взглядом:



- Ну что, красавица, едем или как?

- Поехали, - кивнула Лина.

Но едва водитель завел машину, в боковом окне выросла физиономия настоятельницы. Глядя на девушку своим знаменитым взглядом голодной анаконды, Мюллер покачала растопыренной ладонью, сделала зловещее движение, имитируя проталкивание столбообразной руки в тесное место, в конце совершила жутковатое хватательное движение и резко вытянула лапу наружу. Погрозив пальцем, она отчетливо произнесла:

- Помни! Без инструментов и наркоза!

- Поехали! - чуть не выкрикнула девушка.

Машина тронулась, оставив настоятельницу позади. Лина судорожно вздохнула, только сейчас поняв, что последние мгновения совершенно не дышала.

- Чего это она? - нервно поинтересовался водитель.

Лина осторожно посмотрела в зеркало заднего вида. Увидев, что ворота Монастыря скрылись из виду, девушка мгновенно успокоилась, небрежно ответила:

- Это наша уборщица. Она дурочка с рождения, еще в утробе матери менингитом переболела, та ее в роддоме бросила.

- А что это за странный жест рукой? Меня аж передернуло.

- Это у нее kleptomания. Хотела у меня что-нибудь стурить, но не успела. Вот и показывает пантомиму, как это можно было сделать.

- Выгнать ее надо, - убежденно заявил водитель. - У меня от нее до сих пор мороз по коже. Такой взгляд только в зоопарке увидишь!

– Ничего. Работник из нее довольно хороший. Видел бы ты, как здорово она чистит унитазы.

– Меня Русланом звать, а тебя?

– Жаклин, – не моргнув глазом, ответила Лина.

– Неплохое имя!

– Это в честь моей героической прабабушки, – похвасталась практикантка. – Она француженка. В годы войны участвовала в Сопротивлении, заражала фашистов сифилисом. Видел бы ты, сколько у нее боевых наград – полк гитлеровцев из строя вывела!

Водитель замолк, потрясенно переваривая полученную информацию. Девушка расслабленно откинулась на спинку сидения, она только сейчас окончательно поняла, что действительно вырвалась за стены Монастыря и Мюллер со своими абуртирующими жестами осталась далеко позади. Машина шла очень быстро, увеличивая разрыв с каждой секундой.

Свобода! Лине казалось, что здесь даже трава зеленее и небо ярче, ей захотелось рассмеяться и продолжать сыпать на водителя разные глупости. Мимо промелькнул явно нетрезвый мужчина, стоя на обочине, он, пошатываясь, мочился в придорожную канаву. Но даже это зрелище девушку ничуть не смутило. Она явственно чувствовала, как с нее осыпается шелуха строгих наставлений, в кокон которых ее заключали последние восемь лет.

– Первый раз от вас пассажирку везу, – сообщил Руслан. Видя, что девушка не реагирует, он поинтересовался – А этот калека, что на входе... Почему он такой недовольный? Даже близко меня не подпустил.

Лина не могла ответить правду, ведь, заглянув в калитку, водитель мог случайно увидеть зрелище, не слишком соответствующее вывеске у ворот – «Христианский женский центр благородного воспитания». Но молчать тоже не стала:

– Прости его, он сегодня в очень плохом настроении. Я уезжаю, вот и грустит. Мы с ним давние любовники.

Водитель поперхнулся, недоверчиво покосился на безмятежную девушку:

– Врешь! Ему же лет двести, да и калека!

– А деваться-то некуда! Он у нас единственный мужчина. Половина наших девчонок с ним спят, очередь расписана на месяц вперед.

Руслан понял, что его разыгрывают, покачал головой:

– Я чуть было не поверил! – Помолчав, он добавил: – Да, не зря ребята на нашей фирме говорят, что таких пассажирок больше нигде нет. Один даже рассказывал, что пока свою вез, она ему несколько раз отдалась. Он еле доехал, два отгула потом брал – отлеживался.

Парень с намеком покосился на Лину. Та весьма недоверчиво хмыкнула, отрицательно покачала головой:

– Даже не мечтай!

– А жаль! Было бы что рассказать ребятам.

Девушка насторожилась. Она быстро сложила воедино все факты, немедленно заподозрила, что данная фирма находится под плотной опекой Ордена. Вряд ли, конечно, под задним сиденьем прячется Мюллер в ожидании момента, когда непутевая практикантка надумает отдаваться первому встречному. Но не исключено, что здесь есть спрятанные микрофоны и камеры. Можно их поискать, но вот стоит ли? Пожалуй, нет, пусть смотрят на свою воспитанницу и гордятся ее достойным поведением.

Лина замолчала, игнорируя дальнейшие вопросы Руслана или отвечая коротко, односложно. Тот, поняв, что разговор не получается, вскоре умолк. Девушка неотрывно смотрела в окно. Мимо пролетали другие машины, красочные огромные плакаты и аккуратные заправочные станции. Сбоку исчезали поселки и городки; дорога была длинной, она обещала занять не менее трех часов, но

однообразное мелькание быстро наскучило. Лина по-прежнему не могла себя представить в этом большом мире. Ее стал страшить тот момент, когда машина оставит ее возле аэропорта. Руслан внезапно показался ей самым родным и близким человеком, она с трудом удержалась, чтобы не сказать ему какие-нибудь глупые теплые слова. Положив затылок на подголовник, она приказала себе заснуть, иначе за оставшиеся часы истерзает себе все нервы.

Заскучавший водитель потянулся к магнитоле, но, увидев, что девушка отдыхает, отдернул руку. Кивнув сам себе, он стал вести машину мягче, стараясь объезжать все неровности.

## Глава 2

Лина пробудилась от легкого толчка в плечо. Еще не открыв глаза, она мгновенно проанализировала все доступные ощущения, отчетливо вспомнила, где находится. Руслан даже вздрогнул, когда увидел ее чистый, спокойный взгляд. Невозможно было поверить, что эта свежая, бодрая девушка только что крепко спала.

– Приехали? – спросила она.

– Да.

– Ну пойдём.

Они дружно вышли из машины. Водитель открыл багажник, достал большую спортивную сумку. Тем временем Лина нацепила рюкзачок, быстро пригнулась, посмотрев на себя в боковое зеркальце. Недовольно поморщилась: отросшие ниже лопаток волосы растрепались; она пожалела, что не сделала себе короткую стрижку. Но ничего, это можно будет быстро исправить. В Хабаровске есть парикмахерские, сбудется ее мечта – она выберет из них самую лучшую, выбросит из головы тетю Клаву. Добродушная женщина стригла всех воспитанниц практически на один манер. Делала она это довольно аккуратно и очень быстро, но нет для девушек худшего наказания, чем видеть всех своих подруг в такой же одежде и с аналогичными прическами.

Водитель стоял позади, с немалым удовольствием разглядывая грациозно изогнувшуюся стройную фигурку. Он пожалел, что эта девушка носит брюки. Руслан был весьма равнодушным к женским ножкам и явно видел, что они у нее должны быть очень симпатичными. Плавным, гибким движением распрямив стан, красотка повернулась, протянула руку за вещами.

Забрав сумку, Лина кивнула:

- Пока!

- Удачно долететь! - пожелал Руслан и сел за руль.

Немного отъехав, он вытащил телефон, придавил единицу, удержал пару мгновений. После двух гудков трубку сняли, уверенный, спокойный голос произнес:

- Да?

- Говорит Харон. Посылка доставлена в аэропорт, происшествий нет.

- Обстановка?

- Вначале короткое возбуждение, потом сильный упадок. Почти всю дорогу спала.

- Понятно. Возвращайтесь.

- Есть!

Лина пристальным взглядом проводила отъехавшую машину. Порвалась последняя ниточка, связывающая ее с Монастырем. Она теперь осталась совершенно одна. Ей необходимо преодолеть тысячи километров, чтобы увидеть представителей Ордена, но эти люди будут совершенно чужими, они немногим отличаются от тех, кто сейчас суетился вокруг. Глядя на этот муравейник, Лина почувствовала себя инопланетянкой, высаженной из грозного звездолета с малопонятной миссией. Все было настолько чуждым, что даже не верилось в

реальность происходящего. Казалось, вокруг разворачивается неестественный спектакль, где ей уготована роль единственного зрителя. С трудом отделавшись от странного наваждения, девушка решительно направилась к большим стеклянным дверям.

За ними она на миг замерла, несколько удивившись происходящему. Впереди проход перекрывал барьер; чтобы через него пройти, необходимо было миновать пункт контроля. Люди укладывали вещи на дорожку рентгеновского аппарата и направлялись к прямоугольной арке металлоискателя. Лина знала о подобных мерах безопасности, но думала, что проверке подвергаются только перед залом ожидания. Впрочем, скользнув взглядом, она увидела подобные пункты досмотра за стойками регистрации. Выходило, что контроль был двойным. Очевидно, это были новые меры, направленные на борьбу с терроризмом. Посмотрев на уставшую женщину, тупо всматривающуюся в монитор, девушка покачала головой. С ее точки зрения, опытному преступнику стало полегче. Расслабившиеся сотрудники надеялись друг на друга и не сильно усердствовали. Мужчина, упрямо звенящий при всех проходах, был небрежно обыскан ручным детектором – тот среагировал на туфли. Проверять их не стали, решив, что виноваты металлические супинаторы.

Лине не составило бы особого труда спокойно миновать оба кордона, но она помнила наставления Буренки и не стала рисковать. Опасность попасться невелика, но шум в этом случае поднимется невероятный. Подойдя к сотруднику, просматривающему металлические предметы, выкладываемые пассажирами на стол, она протянула удостоверение с вложенным разрешением на ношение оружия. Просмотрев бумаги, он хмыкнул:

– Радиации не боишься?

– Я не представляю, как без нее можно жить, – спокойно ответила Лина.

– Давай сюда, – заявил мужчина, требовательно протягивая руку.

Девушка вытащила пистолет, положила на ладонь. С уважением оглядев многозарядное творение итальянских оружейников, он строго заявил:

– Сумку на рентген. Порядок для всех одинаков.

Лина миновала арку, ничего больше не вынимая. Карманы практикантки были совершенно пусты, у нее даже металлических монет не было. Дождавшись, когда ее фамилию внесут в какой-то список, она забрала пистолет.

- Смотри, - предупредил ее тот же сотрудник, - в самолет с ним нельзя!

Понимающе кивнув, девушка поспешно спрятала оружие в поясную кобуру, повесила сумку на плечо. Огляделась, посмотрела на часы - времени до окончания регистрации еще хватало. Непроизвольно поправив волосы, она поняла, что должна сейчас сделать, и направилась в сторону многочисленных красочных киосков.

Пройдя мимо стеллажа журналов, Лина еле сдержалась, чтобы не остановиться с нелепо отвисшей челюстью. Да за один взгляд на эту витрину большинство воспитанниц согласилось бы остаться на целую неделю без сладкого. Удержавшись от немалого искушения, она не стала здесь задерживаться, остановилась у киоска с мороженым, на миг растерялась от изобилия, но быстро напустила на себя небрежный вид, царственно указала пальцем на самую яркую упаковку. Посмотрев на протянутую купюру, продавщица спросила:

- Мельче нет?

Лина отрицательно покачала головой. Недовольно поморщившись, женщина отсчитала сдачу. Аккуратно спрятав полученные деньги, девушка пошла дальше, внимательно изучая ассортимент киосков. Искомое обнаружилось довольно быстро. Купив несколько резинок для волос, она покрутила головой, изучая указатели. Заметив нужный, уверенно пошла в указанном направлении.

Мороженое оказалось совершенно невкусным. Приторно-сладкое, с тягучим, липким наполнителем. Противный, какой-то синтетический привкус. Оно ничуть не напоминало тот белый восхитительный пломбир, что делали в монастырской столовой по праздникам и воскресеньям. С трудом проглотив противный комок, Лина разочарованно посмотрела на яркую упаковку и без сожаления отправила едва тронутую порцию в урну. По-новому взглянув на восхитительный калейдоскоп множества удивительных, красочных товаров, она почувствовала немалую обиду. Этот мир легко смог ее обмануть простой яркой бумажкой. Она подавила инстинктивный порыв вернуться к торговой точке и сказать продавщице что-нибудь обидное. Здесь не монастырская столовая, женщина ни

в чем не виновата, она продает то, что сделано совершенно другими людьми.

На входе в туалет пришлось опять заплатить. Лине стало довольно весело от мысли, что в таких случаях делают люди, у которых нет денег. Посмотрев на унитаз, она поморщилась. Здесь явно не хватало провинившихся воспитанниц, некому было по несколько раз в день наводить зеркальную чистоту. Заглянув в другую кабинку, она не заметила существенных различий и поняла: придется довольствоваться тем, что есть – большой мир оказался местом довольно грязным.

Дойдя до умывальника, Лина критически осмотрела свое изображение в большом зеркале. Осторожно потрогала уголок глаза. Синяк, полученный в жестком спарринге с инструктором, прошел бесследно, но ей казалось, что до сих пор сохраняется небольшая припухлость. Достав расческу, она быстро причесала волосы, собрала их, перехватила купленной резинкой. С удивлением уставилась в зеркало – результат ее попросту ошеломил. Девушка, смотрящая на нее, была удивительной и загадочной. Лина не могла себе представить, что эта незнакомка умеет стрелять из пулемета и прыгать с парашютом со сверхмалых высот. Вид у нее стал такой несерьезный, что она едва не вернула прическу на место. Но, поняв, что теперь ее облик не соответствует строгим стандартам Монастыря, победно усмехнулась, встряхнула своим новым конским хвостом и направилась к выходу.

В душе играла веселая мелодия, Лина едва сдерживалась, чтобы не улыбаться во весь рот. Сожаление вызывало лишь то, что ее не видят сейчас другие выпускницы. Нет, ни за что она не пойдет в парикмахерскую стричься накоротко, прическа просто великолепна, разве что стоит немного подровнять волосы. А кроме того, ее одним движением можно быстро вернуть к уставному образцу, если в этом возникнет надобность.

Остановившись перед очередным киоском, она внимательно изучила разложенные товары, указала пальцем:

– Дайте мне, пожалуйста, эти часы.

Продавец без всяких комментариев протянул облюбованную вещь, но, глядя, как девушка примеряет стальной браслет, предупредил:



– Это мужская модель.

– Ну и что? Они же не боятся ударов и водонепроницаемые. Мне такие как раз и нужны.

– Возьмите лучше эти. Цена практически такая же, все аналогично, а размер гораздо меньше.

– Нет! Мне вполне подходят эти. У них большой удобный циферблат.

Лина не стала пояснять, что с такими часами легко ориентироваться по солнцу или луне, определяя стороны света. Она сильно подозревала, что обычным людям такие навыки ни к чему, вряд ли это пригодится в городских условиях.

Как-то противно улыбнувшись, продавец покачал головой:

– Парням не нравится, когда девушки носят такие большие часы.

– Мне мнение мужчин ни к чему, – спокойно заявила Лина и хладнокровно пояснила: – Я ведь лесбиянка.

Оплата товара прошла в полном молчании. Направляясь на регистрацию, Лина не сдержала улыбки. Теперь ей будет что положить на стол перед аркой металлоискателя.

Молодая женщина у стойки проверила билет и паспорт. На контроле при виде пистолета нахмурились. Подошел сотрудник службы безопасности, увел Лину в маленькую комнатку. Там она заполнила специальный формуляр, ей выдали расписку, по которой она получит оружие назад после посадки в Хабаровске. Она так и не поняла, зачем монастырскому руководству нужно было создавать ей такие сложности. Пистолет спокойно могли выдать и на месте, а кроме того, было непонятно, зачем вообще его с собой таскать.

Сумку Лина сдала в багаж, она была тяжелой и крупногабаритной. Перед этим ей пришлось обернуть в пленку, чем занимался специальный работник с хитроумным аппаратом. Но рюкзачок остался, его она отдавать не стала. Поднявшись в зал ожидания, Лина немедленно попробовала вызвать Ленку. Но

женский голос заявил, что абонент недоступен. Неизвестно, каким транспортом двигалась подруга, возможно, телефон ей пришлось выключить или там не было сети сотовой связи. Звонить Вике она побоялась: та могла все еще находиться на территории Монастыря. Безуспешно попробовав набор номера еще несколько раз, Лина увидела, что началась посадка на ее рейс.

Выждав, когда очередь уменьшилась, девушка встала в хвост, получила свой посадочный талон. Посмотрев на номер места, она увидела букву «С». Это ее вполне устраивало кресло будет с левой стороны, у прохода, и, судя по цифре, довольно близко к хвосту. Навыки, вдолбленные в Монастыре на уровне инстинктов, требовали во всех жизненных ситуациях стремиться к максимальной безопасности и свободе маневра. Лину обрадовало, что сейчас ей не пришлось прилагать для этого никаких усилий. По статистике, в хвосте гораздо больше шансов выжить при катастрофе, а для того, чтобы выбраться в салон, не потребуется протискиваться мимо других пассажиров.

Практикантка никогда еще не летала на пассажирских самолетах, но знала о них гораздо больше, чем все пассажиры рейса вместе взятые. Вряд ли они догадывались об уязвимых точках этих машин и полных технических характеристиках. На главном полигоне располагалось несколько разломаченных корпусов и действующий тренажер, на котором воспитанницы отрабатывали штурм захваченного авиалайнера или, наоборот, играли роль террористов. При этом возле головы Лины однажды разорвалась светошумовая граната. Если бы не закрытый шлем, она бы наверняка оглохла и ослепла на всю оставшуюся жизнь. Но все равно в лазарет ее доставили без сознания; пришлось валяться там три дня, а потом получать страшный разнос от Мюллера. Настоятельница разбушевалась так, что Лина с огромным трудом удержалась от полной срамоты и не пополнила собою позорные ряды тех воспитанниц, что со страху обмочились в жутком кабинете. После этого она твердо запомнила, что лучше перегрызть себе горло, чем получить в ходе тренировки серьезную травму.

Автобус привез пассажиров к трапу, здесь вышла очередная заминка – проверяли посадочные талоны. Пассажиры суетливо сгрудились внизу, стараясь первыми проникнуть в самолет. Лина не торопилась, терпеливо ждала, когда схлынет это человеческое стадо. Она нисколечко не верила, что лайнер улетит без нее. Но большинство людей не сомневалось в коварстве пилотов, иначе трудно было объяснить, зачем они так неистово рвутся вверх, мешая друг другу. Даже младшие воспитанницы в сравнении с этими пассажирами выказывали

больше интеллекта и терпения. Девушка поняла, что свобода и многообразие большого мира почему-то не способствуют развитию ума и уверенности в себе.

Выждав, когда трап освободится, она протянула свой талон взъерошенной женщине, спокойно поднялась наверх. Стюардесса бегло взглянула на бумажку с оторванным корешком, торопливо указала в сторону хвоста:

– Идите. Можете занимать любое свободное место, их много.

Несмотря на некомплект пассажиров, в салоне было довольно душно и стоял запах не слишком чистого человеческого тела, перебиваемый крепким коктейлем различных парфюмерных средств. Лина едва не задохнулась, пока дошла до хвоста. Положив рюкзачок под кресло, она заняла свое место. На двух других располагались молодые парни, смотревшие на нее с явным одобрением. Проиgnорировав их изучающие взгляды, Лина расслабленно откинулась на мягкую спинку. От духоты и мерзкого запаха ее начало подташнивать, она не понимала, почему остальные пассажиры ведут себя как ни в чем не бывало. В туалете аэропорта было еще хуже, но там с этим можно было смириться. Здесь же придется пролететь несколько часов, нельзя будет сбежать отсюда ни на минуту. Лина поняла: люди большого мира плохо различают запахи.

В спинке переднего кресла она увидела специальный карман с глянцевым журналом. Незаметно покосившись по сторонам, убедилась, что многие пассажиры листают его совершенно свободно – значит, это не запрещено. Приняв небрежный вид, она извлекла журнал из гнезда, принялась лениво перелистывать. Изображений различных мужчин хватало, но ничего эротического в них не было. Почти на каждой странице приводилось множество коротких сообщений, информирующих о достоинствах различных товаров, а из развернутой статьи в самом начале Лина поняла, что летит самолетом самой лучшей авиакомпании страны. Она даже поежилась, представив, какая вонь может свирепствовать на лайнерах других компаний. Что ни говори, хоть в чем-то ей повезло.

Сосед по ряду, выделяющийся яркой цветастой рубашкой, искоса бросал на нее заинтересованные взгляды. От него не отставал второй парень, сидящий возле иллюминатора. Лина, как практически все женщины, почти не сомневалась в своей привлекательности. Сегодня она не раз замечала на себе внимательные мужские взгляды, что только подтвердило ее мнение. Ей казалось, что с измененной прической она стала и вовсе неотразимой, так что поведение

соседей ничуть ее не удивило.

Цветастый парень наконец не выдержал, достал какую-то светлую прямоугольную упаковку, вытряхнул белые маленькие подушечки, ловко закинул в рот. Чуть повернулся, протянул руку.

– Хочешь? – с веселой искоркой в глазах поинтересовался он.

Лина непонимающе нахмурилась. Она понятия не имела, что ей сейчас предлагают, но помнила строгие наставления: молодежь большого мира склонна к употреблению наркотиков и вредных для здоровья веществ. Однажды, в рамках курса технологии проведения допросов, ее жестоко накачали сывороткой правды. Ощущения были, мягко говоря, не слишком приятные, она до сих пор вздрагивала при воспоминании о тех событиях. Повторения не хотелось. Заподозрив что-то неладное, сосед пояснил:

– Это для зубной эмали очень полезно.

Он оскалился во весь рот, демонстрируя двойной ряд неестественно белоснежных зубов. Тренированное зрение практикантки позволило заметить, что спереди они покрыты пластинками из постороннего вещества, именно оно и обладало таким ненатуральным блеском. Лина вспомнила многочисленные рассказы о том, что люди большого мира часто страдают от заболеваний полости рта. Парень тем временем жизнерадостно пояснил:

– У меня в день больше пачки уходит. Видишь, какой результат? Бери!

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась Лина.

Завязалась беседа. Девушка отвечала почти односложно, она мало что понимала из слов молодого соседа. Того звали Олег, а парня возле иллюминатора – Дима. Они работали вместе и летели в Хабаровск по каким-то производственным делам. Лина так и не смогла понять, чем же они все-таки занимаются, половина его слов была ей попросту непонятна, к тому же многие из них имели иностранное происхождение. Девушка всячески изворачивалась, стараясь говорить как можно меньше, она справедливо опасалась, что соседи быстро постигнут ее отличие от нормальных людей, а ей не хотелось вызывать их недоумение.

К счастью, началась предвзлетная суэта с застегиванием ремней безопасности и выслушиванием различной полетной информации. Самолет направился к взлетной полосе. Он долго колесил по рулежным дорожкам, затем немного постоял и, сделав солидный разбег, оторвался от земли. До этого Лина летала только на вертолетах и небольших винтовых самолетах. Сейчас ощущение было совершенно другое. Огромная машина двигалась очень плавно, без резких рывков или толчков. Толстая обшивка хорошо скрадывала гул от огромных двигателей, так что оглушающего рева не было. Лайнер медленно завалился на крыло, лег на нужный курс, принялся быстро набирать высоту. В салоне стало гораздо прохладнее и резко уменьшилась вонь. Видя, что сосед скоро возобновит нежелательный разговор, Лина немного опустила спинку кресла, подняла голову, закрыла глаза. Вести любезную беседу в течение нескольких часов у нее явно не получится. Она попросту не знает очень многих элементарных вещей, известных каждому обитателю большого мира; не на каждый вопрос можно ответить односложно или промолчать, придется давать какие-то пояснения, а уверенности, что все получится как надо, у нее не было.

Олег повернулся к дремлющей девушке, рассмотрел ее повнимательнее. Нельзя не признать, что она очень привлекательная, но ему доводилось видеть и не таких. Парень чувствовал: с ней что-то не так. Поведение странновато: красotka даже не представилась, но у каждого свой характер, двух одинаковых людей не бывает, кто знает, что у нее в голове. Нет, дело все же во внешности- она чем-то неуловимо отличается от обычных девушек. Приглядевшись, он заметил едва различимую полоску небольшого шрама над бровью, еще одна светлая звездочка виднелась под ухом. Но залечено все было так тщательно, что заметить следы ран было невероятно трудно. Олег почему-то подумал, что через год-другой от них не останется и следа.

От созерцания его отвлек резкий хлопок по плечу. Обернувшись к соседу, он недовольно спросил:

- Чего тебе?

- Хватит так пялиться, - весело заявил Дима, - ты скоро дырку в ней просверлишь!

Погрозив другу кулаком, Олег откинулся на спинку кресла и только тут наконец понял, что его удивило во внешности необычной соседки - у нее на лице не было

даже следов косметики.

В десантном отсеке было довольно тесно и сильно воняло нефтепродуктами. Шестнадцать воспитанниц сидели у стен, прислонившись надетыми парашютными мешками к вибрирующей обшивке. Между колен, упершись прикладами в пол, покачивались армейские автоматы. Вертолет резко дернулся, проваливаясь в воздушную яму, с надрывом взревели двигатели, машина плавно выровнялась. Девушки дружно подняли головы, глядя на замигавшую сигнальную лампочку, начали подниматься, изготавливаясь к десантированию.

Инструктор открыла дверь, по отсеку загулял яростный ветер. Лина подняла руку, нащупала круговой переключатель, повернула его до легкого щелчка. Прибор ночного видения заработал совершенно бесшумно. Девушка знала, что на полный прогрев электроники уйдет около двадцати секунд. Маска оставалась задранной кверху, но достаточно одного короткого движения, чтобы окуляры опустились на глаза, расцвечивая ночной мир в призрачно-зеленые тона.

Встав в очередь, Лина развернулась к выходу. Прыжок предстоял очень непростой: высота менее двухсот метров, темная ночь, низкая облачность, иногда срывается мелкий, холодный дождь. Что их ждет внизу – неизвестно. Инструктор ни за что не скажет, а на главном монастырском полигоне есть все виды ландшафтов, кроме, пожалуй, высоких гор и ледников. Можно запросто угодить в густой лес или озеро, при этом надо постараться не сломать ногу и сохранить оружие, чтобы к рассвету добраться до назначенной точки и отстреляться по своим мишеням. Оправдания здесь не принимаются: если ты утопила автомат или покалечила конечности – это твои проблемы. Зачет принимается только по результатам стрельбы. Кто не сдаст – усиленная клизмолотерапия от инструктора, потом прогулка на ковер к Мюллеру.

Воспитанницы одна за другой исчезали в ночи, дошла очередь Лины. Встав в дверях, девушка отточенным движением рыцаря, опускающего забрало шлема, сбросила на глаза маску ноктовизора, на миг напряглась. С такой высоты долететь до земли в свободном падении можно за каких-нибудь пять секунд. Запасного парашюта не было: им просто не успеешь воспользоваться. Малейший сбой – и все. Даже падение в глубокое озеро не поможет: слишком велика высота, даже если выживешь, то от страшного удара потеряешь сознание и неминуемо захлебнешься.

Пригнувшись, Лина прыгнула вперед и чуть не закричала. Какая-то незримая сила цепко ухватила ее за живот, упрямо потянула назад, в полумрак салона. Дернувшись еще раз, она вдруг почувствовала, что плечо легонько трясет чья-то рука, а все вокруг наливается ярким светом.

Ошеломленно оглядевшись, Лина поняла, что это был всего лишь сон. Она по-прежнему находилась в пассажирском лайнере. Живот ее перехватывал ремень безопасности, она не успела его расстегнуть, так как уснула до полного набора высоты. Он-то и мешал ей при прыжке из вертолета. На нее встревоженно смотрели Олег и светловолосая молодая стюардесса. Благодарно кивнув, Лина произнесла:

- Спасибо, что разбудили! Мне плохой сон приснился.

- Вам чего-нибудь принести? - предложила стюардесса.

- Нет, спасибо, - улыбнулась практикантка, - со мной все будет в порядке, не волнуйтесь.

Стюардесса пошла дальше, а Олег покачал головой:

- Ну ты и спишь - танком не разбудишь! Сейчас уже обед начнут разносить. Больше нас так не пугай.

- Постараюсь.

- Что же ты ночами делаешь, если так крепко умудрилась заснуть в самолете? - усмехнулся парень.

Лина могла бы многое рассказать про жестокий распорядок дня в Монастыре, но вряд ли он ей поверит. На сон там уделялось ровно столько времени, чтобы днем не падать в обморок. Добравшись до коек, воспитанницы обычно валились как убитые; если через минуту кто-нибудь все еще бодрствовал, то это считалось серьезным психическим нарушением. Они привыкали засыпать везде, в любых условиях, хоть в работающей бетономешалке, и просыпаться мгновенно, без всякого раскачивания. Некоторые могли ненадолго задремать прямо на ходу, но это были настоящие профессионалки. Все, что получалось у Лины, это поспать

пять – десять минут в читалке, с умным видом склонившись над книгой. Иногда этих мгновений вполне хватало, чтобы не потерять сознание на вечерней тренировке.

Не ответив парню, она поспешно достала рюкзачок, рассмотрела себя в маленькое зеркало, осталась недовольна: прическа здорово пострадала. Расчесываться в салоне не слишком удобно, Лина уже было надумала идти в туалет, как вдруг заметила нечто странное. В зеркальце отразилось, как в заднем ряду плечистый светловолосый мужчина загадочно кивнул, глядя в начало салона. Чернявый крепыш, повернувшись в своем кресле, на миг прикрыл в ответ глаза. Лине стало интересно, почему эти люди, явно хорошо знакомые друг с другом, сидят в разных местах. Не опуская зеркальце, она внимательно изучила заднего, быстро поняла, что его волосы крашенные, причем сделано это совсем недавно. Более того, мысленно пролистав альбом, где были собраны национальные черты многих этносов, девушка поняла, что этот человек, по-видимому, родом с Северного Кавказа, причем старается скрыть этот факт.

От дальнейшего рассмотрения странного пассажира девушку отвлек Олег. Он всерьез принялся забрасывать ее разными вопросами, и, судя по его реакции, некоторые ответы вызывали у парня недоумение. Тем временем светловолосый мужчина быстро прошел в передний салон. За ним туда же отправился чернявый. Лина чуть не прокляла Олега: тот никак не давал ей сосредоточиться и спокойно обдумать ненормальное поведение двух мужчин. Как отделаться от этого назойливого парня без лишнего шума, она совершенно не представляла.

Один из пассажиров, сидящий впереди, нажал кнопку вызова стюардессы. Потом еще раз, но безуспешно. Откуда-то со стороны переднего салона послышался слабый хлопок, потом еще три подряд. Девушка насторожилась: эти звуки очень напоминали выстрелы из малокалиберного оружия. Проанализировав все имеющиеся факты, Лина отчетливо поняла, что зря села в этот лайнер. Сомнительно, что полет будет продолжаться по расписанию, она неизбежно опоздает и создаст о себе негативное впечатление в первый же день практики.

Занавеска дернулась, показалась та же стюардесса. Станным, звенящим голосом, фальшиво улыбаясь, она объявила:

– Уважаемые пассажиры! Просим прощения за задержку с обедом, он немного переносится по техническим причинам.



Лина склонилась в проход и требовательно взмахнула рукой. Неуверенно оглянувшись, стюардесса пошла вперед, на ходу быстро отвечая любопытным пассажирам.

- Вы что-то хотели? - спросила она, склонившись над Алиной.

- В чем дело? - требовательно поинтересовалась девушка. - Что происходит в самолете?

- Ничего страшного, - голос стюардессы был довольно неубедителен, - все хорошо, просто...

- Рассказывайте, - перебила ее Лина. - Я сотрудница службы безопасности атомной промышленности. Быстро и коротко объясните: что здесь происходит?

Недоверчиво посмотрев на юную девушку, стюардесса все же произнесла:

- Самолет захвачен.

- Сколько их?

- Было трое, но один сейчас лежит без сознания, его успел ударить Жора, он боксер.

- Что с пилотами?

В глазах стюардессы выступили слезы:

- Мне кажется, там все убиты. У них ножи и пистолеты, они... они... - В голосе проскользнули рыдающие нотки.

- Успокойтесь немедленно! - требовательно заявила Лина. - Вы не должны выказывать свою слабость перед пассажирами. Как вас зовут?

- Т-татьяна.

- Вот и хорошо, а меня можете звать Лина. Скажите, Татьяна, как по-вашему, что им здесь надо?

- Не знаю. Они, похоже, не могут самостоятельно управлять самолетом, а экипажа больше нет.

- Лайнер сейчас на автопилоте?

- Наверное. Ведь за штурвалом никого нет.

- Где они расположились?

- Перед кабиной. Пытаются привести в чувство третьего.

- Вот что, Татьяна, если мы их сейчас не остановим, то самолет выработает все горючее и рухнет с высоты десять километров. Ты это понимаешь?

- Д-да. Они наверняка этого и добиваются.

- Остался на борту еще кто-нибудь, кто может управлять самолетом?

- Нет. Все были у кабины. Обед. Из экипажа осталась только Света, но она рыдает за шторой.

Повернувшись к перепуганному Олегу, Лина строго предупредила:

- Не вздумай паниковать! Другие пассажиры не должны знать о том, что здесь происходит.

Встав, девушка тихо приказала стюардессе:

- Иди в передний салон, но к угонщикам близко не подходи. Я пойду следом, но старайся не оглядываться.

- Что ты собралась делать?

– Не бойся, сейчас мы вернем самолет.

Стюардесса пошла вперед, как загипнотизированная. Рассудком она прекрасно понимала, что девчонка не сможет победить двух крепких, тренированных мужчин. Но ее голос был столь убедителен, что Татьяна послушалась, как марионетка.

Лина шла за стюардессой. Она медленно приводила в порядок свои мысли, добиваясь полной гармонии тела и духа перед быстротечной схваткой. По хорошему, не стоило бы так спешить, однако практикантка опасалась, что террористы наглухо закроются в кабине либо выведут из строя оборудование самолета. В последнем случае гибель будет неизбежной, никакая тренировка не поможет выжить после пикирования с десятикилометровой высоты. В кухонном блоке горько рыдала вторая стюардесса, Лина даже не взглянула в ее сторону. Искать оружие здесь тоже бесполезно: никто не держит в пассажирских самолетах стальные ножи или топоры.

В переднем салоне пассажиры сидели перепуганными статуями. Немудрено, ведь захват самолета происходил на их глазах. Татьяна прошла до конца, замерла неподалеку от лежащего угонщика. Тот развалился вдоль прохода, раскинув руки в стороны. Чернявый крепыш яростно брызгал на него водой из пластиковой бутылки, второй стоял рядом, с пистолетом в руке. Взглянув на стюардессу, он прошипел:

– Что тебе здесь надо?

Больше угонщик сказать ничего не успел. Татьяна так никогда и не поняла, что именно произошло в этот момент, ее зрение оказалось бессильным, не смогло уследить за молниеносной воспитанницей Монастыря. Только что все было тихо и спокойно, Лина оставалась далеко позади. Но в какой-то миг странная девчонка неожиданно оказалась перед стюардессой, та не только не заметила, что ее обогнали, но вообще не увидела движения. Стюардессе показалось, что она явилась свидетельницей фантастического явления, именуемого нуль-транспортировка.

Появившись перед стоящим угонщиком, Лина коротко, без замаха щелкнула его ладонью по самому кончику носа. Несерьезный с виду удар был на удивление болезненный и ошеломляющий, но террорист даже не успел это осознать –

вторая рука выстрелила вперед, вбивая полусогнутые пальцы в кадык; возвращаясь назад, она ребром ладони прошлась по запястью, выбив пистолет. Махнув ногой, девушка вбила каблук в висок чернявого крепыша, даже не возвращаясь в стойку, ударила коленом в пах первого противника и окончательно его добила сдвоенным хлопком ребер ладоней в основание шеи.

Отступив на пружинисто согнутых ногах, Лина мгновенно оценила результаты атаки, осталась ими весьма довольна, немедленно расслабилась. Все было кончено, причем настолько быстро, что первый угонщик еще не достиг пола – продолжал падать. Повернувшись к перепуганной стюардессе, она спокойно и четко произнесла:

– Там, в хвостовом салоне, сидит офицер с летными погонами. Приведи этого человека сюда, да поскорее, и свяжи с его помощью этих агрессоров. Скотч у вас в самолете есть?

– Д-д-да!

– Отлично, вот им и свяжете. Поспешите, через несколько минут они могут очнуться.

Нагнувшись, Лина подняла пистолет, удивленно покачала головой. Такого оружия ей держать в руках еще не доводилось. Он был целиком сделан из пластика и стекла, переламывался, как дробовик, и имел два тонких ствола. Спрятав его за поясом, девушка шагнула в кабину.

Здесь делать было уже нечего, угонщики постарались на славу. Пол был залит кровью, вокруг лежали тела членов экипажа. Окинув картину разгрома опытным взглядом, Лина заметила одного выжившего летчика. Пилот был без сознания, на его виске наливалась чудовищная гематома. Потрогав ее пальцем, девушка нахмурилась: кости черепа вогнуло в опасном проломе. Подняв мужчине веки, она обнаружила, что зрачки имеют разный размер. Этот человек не сможет сегодня сесть за штурвал, ему необходима срочная медицинская помощь.

Лина вернулась назад, к месту схватки. Офицер с помощью Татьяны пеленал уже второго угонщика. Присев рядом, девушка поинтересовалась:

– Вы сможете управлять этим самолетом?

– Нет, – четко ответил он. – Не смотрите на мои погоны – я офицер батальона аэродромного обслуживания.

Рядом выросла вторая стюардесса.

– И-извините, – все еще всхлипывая произнесла она. – Чем я могу вам помочь?

– Не знаю. – Лина покачала головой. – А где же ваш коллега-мужчина?

– В кабине, – вздохнула Татьяна.

Чуть подумав, Лина начала раздавать приказы:

– Значит, так. Света, немедленно вытри слезы и пройди по самолету. Разузнай, нет ли среди пассажиров людей, знакомых с летным делом. Татьяна, возьми тряпку и направляйся в кабину. Вы, офицер, идите с ней. Окажите медицинскую помощь раненому пилоту и уложите всех убитых в одно место. Вытрите кресла, они нам понадобятся. Здесь я сама разберусь, без вас.

Безжалостно спеленав третьего пленника – крашеного блондина, она ожесточенно потрепала ему уши, хлестнула по щеке и нажала на чувствительную точку под затылком. Тот застонал, медленно раскрыл мутные глаза, скривил болезненную гримасу. Не дав ему времени на раскачку, Лина вновь хлестнула по щеке и громко потребовала:

– Быстро отвечай: умеешь управлять самолетом?!

– Н-нет, – простонал он. – Толик умеет, он наш пилот.

– Какой Толик?

– Ему в самом начале кулаком досталось.

Понимающе кивнув, Лина вновь вырубил «блондина», двинув ему локтем по нижней челюсти, и повернулась к Толику. Здесь ей делать было уже нечего: неизвестный Жора постарался на славу. Сокрушенную переносицу вдавило в

голову, острые осколки кости пробили лобные доли мозга. Угонщик уже хрипел в агонии. Подошла Света. Взглянув в требовательные глаза Лины, она сокрушенно покачала головой:

– Есть один авиамоделист.

– Мне кажется, в этой ситуации он нам не очень подходит.

– Это понятно, но других специалистов нет. Там пассажиры очень волнуются.

– Неудивительно. Попробуй их как-нибудь успокоить. Для нас самое главное, чтобы они не начали носиться по всему салону.

– Хорошо.

Вернувшись в кабину, Лина увидела, что стюардесса с офицером времени зря не теряли. Нельзя сказать, что здесь все было как обычно, но по крайней мере трупы под ногами уже не валялись.

– Где сидит пилот? – спросила Лина у Татьяны.

– Он не один.

– Я понимаю. Где главное место?

– Вот.

Заняв указанное кресло, Лина растерянно уставилась на великое множество различных индикаторов и органов управления. О большей части она имела довольно смутное представление, а назначение некоторых вообще было полной загадкой. Стюардесса, накрепко уверовав в огромные способности странной пассажирки, с надеждой спросила:

– Ты умеешь управлять лайнером?

– Еще не знаю, – задумчиво ответила Лина.

После таких слов все дальнейшие вопросы отпали сами собой. Не обращая внимания на испуганную стюардессу и мрачного офицера, девушка продолжала изучать приборную панель. Она умела управлять вертолетом, немало часов налетала на самолетах малой авиации. Но про управление большими лайнерами знала только теоретически и по нескольким занятиям на тренажере. Лина хорошо понимала, что, взяв управление на себя, может быстро погубить эту огромную машину. Даже если у нее все получится, самолет надо будет еще правильно посадить, найдя подходящий аэродром. Она сомневалась, что самый сложный автопилот будет в этом деле надежным помощником: девушка заметила несколько тревожных показателей. Две пули пробиты приборную панель, и скорее всего для навигационной системы это не прошло бесследно. Автомат выведет самолет куда угодно, но только не на полосу.

С радиоаппаратурой Лина разобралась довольно быстро. Подобная техника всегда конструируется по одним и тем же принципам, достаточно их изучить на нескольких примерах и можно будет не теряться при встрече незнакомого агрегата. Надев наушники, девушка зажала переключатель гарнитуры, громко спросила:

– Говорит рейс Д7-161. У нас на борту чрезвычайная ситуация. Кто слышит, ответьте?!

Наушники ожили почти мгновенно:

– Дежурный диспетчер Дальневосточного центра. Почему не отвечали на запросы?

– Попытка захвата. Экипаж уничтожен, угонщики задержаны, в данный момент самолет идет на неисправном автопилоте.

– Вы стюардесса?

– Нет, простая пассажирка. Имею навыки управления самолетами малой авиации, в том числе и двухмоторными. Лучших специалистов у нас на борту нет. Выживший пилот находится без сознания, у него опасная черепно-мозговая травма. Подозреваю, что аппаратура спутниковой навигации функционирует с нарушениями из-за механического повреждения, отладить ее работу не могу.

– Оставайтесь на связи.

Повернувшись назад, Лина произнесла:

– Идите в салон. Там надо помочь Свете. Выберите из пассажиров тех, кто покрепче и поспокойнее, нельзя допустить паники. Если все дружно начнут метаться по самолету, автопилот может не справиться с изменениями центра тяжести.

Офицер и стюардесса ушли. Лина очень сомневалась, что перепуганные пассажиры смогут перевернуть лайнер, но на всякий случай надо предусмотреть все.

– Сто шестьдесят первый, – ожила рация.

– На связи.

– Как вас зовут?

– Ветрова Алина.

– Алина, самолет действительно сильно уклоняется к северу, при нормально работающем автопилоте это невозможно. У вас горючего примерно на полтора часа полета. Согласно расписанию, через восемь минут вы должны начать снижение, причем делать это придется вручную, на автоматику надежды нет, характер повреждения неизвестен, хотя, по-видимому, они небольшие. Как поняли?

– Хорошо, попробую. Но учтите, мне нужно постоянное ведение с земли, без точного непрерывного контроля я никогда не достигну аэродрома.

– Мы передадим вас хабаровским диспетчерам, они выведут самолет на полосу. Вы сможете отключить автопилот?

– Да.



– Алина, запомните краткую информацию. Все маневры выполняйте очень плавно, без нагрузки на управление. Если удержать машину не удастся и самолет войдет в штопор, с силой выжимайте штурвал от себя; при стабилизации, не маневрируя, перейдите в горизонтальный полет. В случае неудачного выхода на полосу не пытайтесь скорректировать курс в последний момент, лучше уйдите на второй заход горючего у вас хватит. Шасси выпустите заранее – управление сразу ухудшится, но у вас будет при этом резерв высоты. При наличии свободных мест рекомендуем разместить большую часть пассажиров в хвосте: это самое безопасное место при неудачной посадке.

– Хорошо, подождите немного, я ненадолго выйду: необходимо все передать стюардессам.

Покинув кабину, Лина направилась в передний салон. По проходу ходил плечистый мужчина, Света стояла возле занавески. Хлопнув стюардессу по плечу, девушка сказала:

– Надо занять все хвостовые места, и пусть пассажиры хорошо пристегнутся. Я сейчас начну снижение, будет весело.

Испуганно кивнув, стюардесса поспешила в задний салон. Лина вернулась в кабину, пристегнулась покрепче. Ей было одновременно страшновато и отчаянно весело. Она чувствовала немалое возбуждение от одной мысли, что эта огромная машина сейчас перейдет под ее полный контроль. Тщательно проверив большинство важнейших показателей, она убедилась, что, скорее всего, все в порядке: красных индикаторов или других тревожных сигналов видно не было.

В кабину вошел офицер:

– Все! Пассажиры готовы.

– Хорошо, поскорее присядьте и пристегнитесь, я сейчас начну.

Офицер вышел, Лина нажала переключатель:

– Я сто шестьдесят первый. Ответьте!

- Говорит диспетчерский пост аэропорта Хабаровск. Вас также слушает кризисный центр. В случае необходимости для получения технических советов обращайтесь непосредственно к нему. Вы готовы начать снижение?

- Да. Какой выдерживать угол?

- Алина, боюсь, вам не удастся делать снижение по правилам. Мы очистили все пространство, отменили вылеты. Вы в небе одни, так что не бойтесь, действуйте так, как вам будет удобно. Характер повреждений аппаратуры неизвестен, непонятно, насколько можно доверять приборам. Но мы всегда сможем подкорректировать ваш курс в случае необходимости.

- Хорошо, поняла! Выключаю автопилот.

- Удачи вам!

Лишившись управления, самолет легонько дрогнул, начал медленно заваливаться на левое крыло. Алина этого не ожидала, она почему-то была твердо уверена, что машина должна клюнуть носом. Штурвал нехотя поддался, но коррекция была слишком резкой – лайнер немедленно склонился на другую сторону, противно завибрировал, стараясь запрокинуться еще дальше. Девушка пресекла буйство техники, плавно подала самолет вниз, одновременно выпрямляя горизонт. Она с восторгом ощутила, что огромная птица повинуется новой хозяйке, бешено завертели уменьшающиеся показания альтиметра. Ожила рация:

- Алина, чуть помедленнее, вы снижаетесь очень резко, ваш самолет не выдержит такого пикирования.

- Поняла, исправляю!

Успев набрать скорость, лайнер недовольно заворчал, отзываясь на поднятие рулей треском переборки. Снижение замедлилось, самолет скрылся в молочной пелене облаков, продолжая неуклонно терять высоту.

- Алина, вы видите показания системы навигации?

- Индикаторы не горят, показания спутниковой системы узнать невозможно.
- Рядом находится панель аварийного гирокомпаса. Что с ним?
- На вид работает нормально.
- Вы можете разобраться в его показателях?
- Да.
- Хорошо. Надо совершить горизонтальный маневр. Для начала постарайтесь развернуться на азимут девяносто восемь. Понимаете?
- Да. Вы можете говорить короче, я разбираюсь в показателях этих приборов.
- Хорошо. Только поспешите, или промахнетесь мимо аэропорта.

Горизонтальный маневр прошел без проблем, Лине пришлось еще два раза поправлять машину, выводя ее на правильный курс. Рация не умолкала: диспетчер хвалил ее как маленького ребенка и все время успокаивал таким взволнованным голосом, что девушку так и подмывало спросить, не разваливается ли его башня. Лайнер пробил облачный слой; внизу темнела земля, вдалеке, чуть правее, тянулась широкая полоса Амура. Снижаться приходилось плавно, но Лина справилась, она почти полностью освоилась с управлением воздушного исполина. Самолет вел себя хорошо, только изредка взбрыкивал на воздушных ямах. Очевидно, новый пилот пришелся ему по вкусу, практикантка и в Монастыре славилась тем, что быстро находила общий язык с любой техникой.

Уже при подходе к аэропорту диспетчер с немалым изумлением признал, что заход выполнен практически идеально. Но Лина понимала это и сама. Из-за разницы в часовых поясах здесь уже давно рассвело, видимость была просто отличной. Девушка вела самолет, почти не посматривая на приборы; впереди отчетливо вытягивалась серая лента взлетно-посадочной полосы.

Ладонь обхватила нужный рычаг, потянула вниз. Самолет завибрировал, реагируя на выход шасси. Лобовое сопротивление резко увеличилось, Лине

пришлось попотеть, гася опасные рысканья. Перед самой полосой лайнер почему-то серьезно взбрыкнул, вновь заваливаясь влево, его упрямо тянула туда какая-то неведомая сила, он не раз уже пытался лечь в ту сторону. Выпрямить машину удалось в последнюю секунду, за миг до касания.

Все-таки скорость снижения оказалась несколько великоватой. Это была вина Лины: ориентируясь на глаз, она испугалась, что перелетит через полосу, и слишком поспешила. Шасси ударили по бетону с такой силой, что самолет затрещал всеми швами и, на мгновение припав к полосе, лягушкой подпрыгнул вверх, заваливаясь вправо. Девушка попыталась обуздать взбесившуюся машину, но тщетно. Лайнер припал на правое шасси, едва не сломав его своим весом, от катастрофы спасла хорошая скорость. Уже не слушаясь ничего, он дал крен, продолжая подсакивать из стороны в сторону.

Видя, что контроль утерян и машину сейчас вынесет за пределы полосы, Лина, жадно стремясь сделать хоть что-нибудь, врубила реверс. Двигатели послушались, мощный реактивный поток осадил самолет, но при этом развернул его еще сильнее. Припадочно дергаясь и попрыгивая, лайнер вылетел на зеленый газон. Страшным рывком вырвало из рук штурвал; бросив все попытки повлиять на ход событий, Лина отчаянно вцепилась в подлокотники кресел, второй раз в жизни взмолилась Богу. Несмотря на грохот, из-за спины отчетливо слышался тоскливый вой пассажиров.

Левое крыло с ужасной силой ударило по решетчатой антенне. От этого самолет развернуло еще больше. Лина увидела приближающуюся громадину большого лайнера. Скорость была уже ниже, но все же довольно опасная. Не зная, удастся ли ее сбросить до столкновения, девушка рефлекторно сжалась, пряча голову. Переднее шасси ударилось о стоящий грузовичок технической службы с такой силой, что в приборной панели что-то заискрило, по кабине пошла вонь горячей изоляции. В ореоле ярких искр машину с грохотом протащило несколько десятков метров, прежде чем лайнер наконец замер на месте.

Увидев, что самолет окончательно остановился, Лина сбросила газ, перевела двигатели на холостой ход. Она знала, что резко глушить их нельзя. Отстегнув ремень, девушка выскочила в салон. Здесь Света с помощью офицера открывала аварийный выход. Вскоре пассажиры начали покидать самолет.

Лина покинула лайнер последней. Съехав по аварийному трапу, она вскочила на ноги, первым делом нацепила рюкзачок, затем поправила прическу. Вокруг

сверкали десятки мигалок, возникло такое ощущение, что сюда съехались все аварийные машины города. Лину обступили какие-то люди в строгих костюмах. Один спросил:

– Алина?

– Да.

– Где угонщики?

– Возле кабины пилотов. Они связаны. Там одному пилоту нужна срочная медицинская помощь – черепно-мозговая травма, кровоизлияние.

– Хорошо!

Говоривший поспешно направился в сторону группы вооруженных омоновцев, а двое мужчин повели девушку в сторону аэровокзала. Там ее продержали недолго. Рассмотрев документы, ей вернули вещи и пистолет, специально поторопив работников аэропорта, после чего отвезли в местное управление ФСБ. Вот здесь пришлось просидеть несколько часов. Она по десять раз описывала ход событий, подписала кучу различных протоколов. Правда, отнесли к ней довольно неплохо – в глазах чекистов Лина была героиней. Ее несколько раз напоили чаем и кофе, принесли какой-то сомнительный завтрак, который она попробовала только из вежливости.

Перед тем как отпустить, потребовали оставить телефон. Узнав, что у нее только мобильный, нахмурились. Пришлось дать номер диспетчера Восточно-Российского региона. Время было далеко за полдень, когда она спустилась с крыльца монументального здания. Выйдя на тротуар, Лина быстро поймала такси, продиктовала адрес.

Девушка проклинала свою непутевую судьбу. Она опоздала с прибытием на несколько часов. И хоть причина была уважительной, в Ордене это не является оправданием. Если б это была настоящая боевая операция, Лине бы наверняка устроили ужасный разнос. Но и сейчас положение было довольно неприятным. Оставалось надеяться, что местный начальник окажется либеральнее Мюллера и не станет сильно буйствовать.

Так и оказалось.

### Глава 3

Панарин Игорь Владимирович, руководитель Хабаровского филиала Ордена, был мужчиной заметным. Такого круглого брюха, как у него, не было, пожалуй, ни у одного сотрудника Восточно-Российского региона. Служба его была спокойна и легка. Сотрудников имелось много, но взаимодействие между ними налажено четко; структуру управления выстраивали не одно столетие, она не требовала постоянного вмешательства начальства. Более того, имея ярко выраженные демократически замашки, Панарин всячески приветствовал здоровую инициативу своих подчиненных. А если называть вещи своими именами – попросту старался вмешиваться в работу филиала как можно меньше.

В данный момент он занимался своим любимым делом – перекусывал. Мамон требовал к себе бережного отношения, его следовало постоянно поддерживать в идеальной форме. Из-за этого приходилось питаться пять-шесть раз в день. Панарин старательно сложил многослойный бутерброд, обхватил его всеми десятью пальцами, зажмуривая глаза, поднес ко рту. В этот момент в дверь коротко постучали. Прокляв нечестивца, помешавшего в самый святой момент, он рявкнул:

– Кто там еще?

Дверь раскрылась, на пороге выросла молоденькая девушка. Оглядев ее невысокую, но ладную фигурку и оценив правильные, тонкие черты лица, Панарин чуть смягчился:

– Прелестное дитя, кто же тебя сюда пустил?

– Никто. В вашей приемной пусто, секретарши на месте нет, а охране на вахте я показала свое направление.

– Как меня эта Нинка достала, – сокрушенно пожаловался Панарин. – Небось, опять к сенсам убежала, кофе с ними дуть. А что там за направление?

– Ветрова Алина Игоревна, прибыла в ваш филиал для прохождения двухмесячной практики, – четко отрапортовала девушка и, подойдя ближе, положила свернутое вдвое направление на стол, между бутылкой кетчупа и пластмассовой тарелкой с резаной колбасой.

Развернув бумажку, Панарин нацепил очки, начал читать. Изучив первые строки, он барственным тоном указал:

– Присаживайтесь.

Девушка послушно уселась на край массивного стула. Внимательно изучив направление до конца, руководитель покачал головой:

– Ты точно уверена, что тебе нужен оперативный отдел? Да еще и группа поиска? Туда никогда еще не направляли практиканток.

– Да.

– Смотри, я без проблем могу тебя направить к нашим сенсам. Там работа теплая, все время в городе будешь.

– У меня низкий коэффициент восприятия.

– Да там половина таких. Лезут туда в каждую щель, будто медом намазано. А что, работенка клевая: тепло, светло и мухи не кусают. А город у нас неплохой. Хоть и не Москва, но есть где развлечься. Тебе понравится.

– Нет, я направлена именно в опергруппу.

– Как хочешь, – равнодушно произнес Панарин. – Я ведь хотел как лучше. Хотя, кто знает, может, ты и права. Парни у нас там горячие.

Противно ухмыльнувшись, он достал толстую ручку, размашисто подписал направление, протянул его девушке:

– Зайдешь в канцелярию, она на втором этаже, отдашь начальнице. Там тебя уже давно ждут, ты что-то задержалась.

- Были проблемы с самолетом.

- Понятно. Там же получишь ключи от квартиры. Деньги есть?

- Да.

- Смотри, если понадобятся – возьми там же. Сходи пока домой, передохни, с утра заступишь на работу, тогда и начальнику поисковиков представишься.

Девушка уже собралась подниматься, как вдруг замерла. Дверь резко распахнулась от мощного рывка, в кабинет вихрем ворвался здоровенный мужчина в потертых камуфляжных брюках и тельняшке. Опершись о стол двумя руками, он горой завис над руководителем филиала. Тот, разглядев посетителя, заметно поскущел. Здоровяк ехидно поинтересовался:

- Жрешь?

- Так ведь обед, – попытался оправдаться толстяк.

- Да вся твоя поросычья жизнь – сплошной обед! – рявкнул мужчина и с яростным надрывом добавил: – Панарин, все! С меня хватит! Отпуск давай! Немедленно!

- Но, Всеволод Григорьевич, ведь нельзя так сразу! Мало того что у нас большой некомплект, так еще и двое сотрудников временно отсутствуют.

- Да ну?! Ты что, думаешь, я этого не знаю? Шепелявый только что второй раз женился, а Полкан третий день сидит на стакане. Пробовал ему позвонить, так он сказал, что это только начало, и ушел со связи. Думаю, у него телефон от перегара сгорел. И знаешь, что я тебе скажу? Очень может быть, что завтра мы с ним будем пить на пару! Неплохая идея и проще, чем женитьба. Ты понял – я уйду в отпуск по-любому!!!

- Да успокойтесь же вы! – чуть не заплакал Панарин.

Тут он прервался, поднял трубку зазвонившего телефона, внимательно выслушал собеседника, грозно рявкнул:



- Немедленно ко мне!

Подняв голову, объявил:

- Всеволод Григорьевич, у нас небольшое ЧП, как раз по вашей части.

- В гробу я видел и тебя, и твоё ЧП, - недружелюбно заявил здоровяк.

- «Синяя тревога», - чуть не бляя, произнес Панарин.

- А по мне хоть «красная» - отпуск давай, душа чернильная, иначе я за последствия не отвечаю!

Дверь открылась, впуская тощего лысого очкарика.

- Привет, Бидон! - обратился он к здоровяку.

- Здорово, моль сушеная, - ответил тот и поинтересовался: - Что там с этой тревогой?

- На, - коротко заявил тот, протягивая единственный листок.

Дежурный аналитик Сионист даже не предполагал, что бросает первую снежинку будущей лавины. Честно говоря, об этом не подозревал никто.

Бегло просмотрев бумажку, Бидон с досадой взвыл:

- Никуда не поедем - это якутов территория! Пусть сами разбираются, надоело уже памперсы им менять!

- Они все заняты, - пояснил Сионист, - у них на Таймыре аврал. Там «желтая тревога», целую толпу нагнали.

- Да рыбачат они там, - убежденно заявил здоровяк, - а нам за них отдуваться!

– Всеволод Григорьевич, ну постарайтесь еще раз, – залебезил Панарин. – Ведь без вас никак. Обещаю, с отпуском мы что-нибудь придумаем в самые ближайшие дни.

– Знаю я, что вы придумаете! – хмыкнул Бидон. – Нет, чует сердце, придется все-таки на стакан падать. Другого выхода не вижу. Так что там по объекту?

– Просто сказка! – ответил Сионист. – Пробой надежно зафиксирован четырьмя станциями, три взяли уверенный пеленг. Ошибка минимальна, прочесать требуется около семи квадратных километров.

– Что там за местность?

– Северный склон гольца Раскидистый – одинокая гора, доминирует в данном районе. Максимальная отметка – тысяча триста шестнадцать метров.

– Ну вот, а ты говоришь – сказка! Там на семи квадратных км придется все пятьдесят пролазить. Знаю я эти проклятые гольцы: внизу густой лес, выше непролазный кедровый стланик, курумники[1 - Курумники – каменные осыпи, преимущественно из крупных глыб, северная форма рельефа.], где сам черт ногу сломит. Да там пахать придется, как неграм на плантации. Мы на этом поиске за пару дней последние ноги оставим. В гробу я видел этот Раскидистый и всех якутов. Чтоб они на этом Таймыре сивухой отравились!

Панарин с намеком вздохнул.

– Да поедем мы, не ной, как баба, – отмахнулся здоровяк. – Куда денемся? Только надо обеспечить нормальный борт. Желательно до ближайшей к месту нормальной полосы дойти на нем, дальше дело за вертолетом.

– Сделаем для вас все, что только возможно! – заверил руководитель.

– От тебя дождешься, боров перекормленный! Ты мне вот что скажи: по инструкции минимально допустимый размер поисковой группы – пять человек. А у нас в наличии только четверо. Как же теперь быть? Боевой товарищ, может, ты с нами туда слетаешь?

Перепуганно моргая, Панарин рефлекторно схватился за драгоценное брюхо. Поняв, что наступает благоприятный момент, Лина четко произнесла:

– Я тоже состою в вашей оперативной группе. Мы полетим впятером.

Повернувшись всем корпусом, Бидон возвысился над девушкой, удивленно прогудел:

– Ну надо же! А я и не заметил, что у вас экскурсия из детского сада. Малютка, мне послышалось или ты что-то прошептала?

– Странно! – преувеличенно удивилась девушка. – Я даже не знала, что к вам на работу глухих принимают. Объясняю еще раз: на время прохождения двухмесячной практики я причислена к вашей поисковой группе.

– Я несказанно рад! – воскликнул Бидон. – Скоро мой отдел превратится в настоящий детский сад. Или бордель. Третьего тут не дано. Лично я двумя руками за второй вариант, а ты? – повернулся он к Панарину.

Пожав плечами, тот заявил:

– Это решили за нас, у нее готовое направление с такими подписями, что ты лучше помалкивай. Если ей так хочется кормить комаров – флаг в руки!

– Так ведь это не прогулка! Сам понимаешь, хоть тревога и «синяя», но теоретически может случиться что угодно.

– Ничего, – поспешно успокоил руководитель оперативника. – В случае «синей тревоги» допуск практикантов к поиску не запрещен. А кроме того, вам действительно нужен еще один человек, ведь явный некомплект.

– Нам нужен подготовленный человек! – яростно рявкнул Бидон и быстро повернулся к Лине: – Что ты умеешь делать, кроме быстрого снятия трусов?

Девушка даже не поморщилась. После речей Мюллера Бидон совершенно не смотрелся. Настоятельница без особого труда довела бы его до полного паралича за три минуты.

- Я умею все, - коротко ответила Лина.

- Да ты у нас просто вундеркинд! - умилился оперативник. - Как зовут?

- Ветрова Алина Игоревна.

- Где проходила специальное обучение?

- Алтайская база и специализированные курсы, - несколько уклончиво ответила девушка.

- Вот что, Алина, - спокойно произнес Бидон, - не обижайся на мои резкие слова. У меня сегодня был не самый легкий день.

- У меня тоже.

- Вот и хорошо. Будем считать, что помирились. Но брать тебя с собой мне очень не хочется. Ты даже не представляешь, что нас там ждет. Район поисковых работ расположен в одном из самых малонаселенных мест планеты. Густая тайга, сырость и хищные звери. Днем жарко, ночью очень холодно. Придется практически без остановок вести поиск около двух суток. Сама понимаешь, время терять нельзя, так что сон попросту отменяется. Короткие привалы, карабканье через буреломы, прыжки по шатающимся камням с постоянным риском сломать ноги. Все это независимо от погоды: дождь или буря - оперативник обязан выполнить свой долг. В нашей группе одни мужчины. Тебе придется довольно нелегко. Извини за неприятные детали, но даже справить нужду - проблема. Не везде можно уединиться: курумники бывают плоские и обширные, как пустыня. Никакой романтики не предвидится. Если выбьешься из сил - подведешь всех. Мы не сможем тебя бросить, придется выносить на носилках. Хотя и маловероятно, но эта тревога может оказаться не ложной. В этом случае задержка помешает выполнить нам свой долг или поставит под угрозу жизни всех членов группы. Ты понимаешь?

- Да. Не бойтесь, я вас не подведу.

- Только потом не говори, что я тебя не предупреждал! - сурово пригрозил оперативник.

Девушка понимающе кивнула.

- Ладно, как хочешь. Ты, наверное, собралась в канцелярию?

- Да.

- Иди. Потом отправляйся на свою служебную квартиру, это рядом. Когда решат вопрос с вылетом, тебе сразу позвонят. А пока иди.

Встав, Лина повернулась к Панарину:

- Напоследок должна вас предупредить. Если вы сговоритесь за моей спиной и не вызовете к вылету, то я непременно напишу развернутую докладную вашему и своему начальству. Обещаю – приятного в ней будет довольно мало.

Девушка вышла, а оперативник выругался:

- Вот стерва! И напишет, даже не сомневайся!

- Проще будет ее взять с собой, – печально вздохнул Панарин. – И откуда только такие берутся?

- Она из Монастыря, – убежденно заявил Бидон.

- Ты уверен?

- Я уже не первый раз замужем. Сам посмотри – волосы в хвост сложила, но не подровняла. Нормальные девки так со своей прической не поступают. У нее просто времени не было на парикмахерскую. Да и держится она так, что разорвись за окном бомба – не моргнет глазом. Не человек – стальная машина. Придется брать, эти монашки – что сухой репей: проще не трогать, иначе не отцепятся.

Лина закрыла за собой крепкую металлическую дверь, провернула замок. Разулась, поставила сумку, быстро прошла по квартире. Она оказалась совсем

небольшой: одна комната, маленькая кухня и совмещенный санузел. Включив горячую воду, девушка достала свои банные принадлежности, с удовольствием вымылась до полного скрипа. В тайге ей придется обходиться без ванной. Она никогда не была в Южной Якутии, но видела немало учебных роликов и прекрасно понимала, что в районе поиска с водой будет довольно туговато. Все ручьи текут только вниз, а в каменных осыпях влага просачивается на глубине в несколько метров, до нее не достать.

Вытершись насухо, Лина, не одеваясь, плюхнулась на кровать, взвизгнув от радости. За последние годы она впервые коснулась постели среди белого дня. Полное блаженство! Сама себе хозяйка! Уколола крамольная мысль – зря она так рвалась на тревожный вылет. Нормально обошлись бы и без нее. А тем временем можно было всласть отоспаться на мягкой кровати, застеленной свежим тонким бельем. Никто ей не помешает, ведь это не мрачная казарма с высоким, сводчатым потолком, где проживает около двадцати воспитанниц и воздух пропитан запахом оружейной смазки и менструации. Искушающие мысли пропали столь же быстро, как и возникли. Скоро, очень скоро она приступит к тому, для чего ее учили всю жизнь. И не беда, что при несерьезной «синей тревоге» вероятность боевой ситуации пренебрежительно мала. Все равно это будет уже не тренировка, а настоящая жизнь. Она не подкачает, покажет этим здоровякам, на что способны воспитанницы Монастыря.

Лина поняла – ей необходимо поесть. Кто знает, может, ее вызовут уже через час, хотя такая оперативность маловероятна. Быстро одевшись, она расчесала волосы, оставила их сохнуть на весу, открыла холодильник. Он был девственно чист и абсолютно пуст. Более того, шнур удавом свернулся на полу – агрегат не был даже подключен. Поморщившись, девушка прошла в ванную, на полке отыскала фен. Она не пользовалась им с одиннадцати лет, но наука несложная. Подсушив волосы, вновь сложила их в хвост. Куртку надевать не стала: на улице стояла сильная жара, все-таки июнь – он и в Хабаровске июнь. С ремня пришлось отцепить кобуру, но все документы она на всякий случай сложила в карман.

Выйдя на улицу, Лина на миг задумалась. Можно было зайти в магазин, набрать всего побольше. Но этот путь был довольно ущербен. В квартире никого не будет более двух суток, кто знает, как поведет себя этот отключенный холодильник. Не хотелось бы, чтобы купленные продукты испортились. С этими мыслями она вышла на широкую центральную улицу. Девушка была в этом городе первый раз, но Буренка ее предупредила заранее, что, скорее всего, выпадет Хабаровск. Выкраивая время буквально по минуте, Лина хорошо

изучила план и все доступные фотографии. Уже не колеблясь, она пошла в сторону набережной и быстро обнаружила искомое кафе.

В полуподвале царил приятный сумрак и было довольно прохладно. Людей было очень мало. Лина присела за свободный столик в углу, выбрав его автоматически. Только потом поняла, что с него отлично просматриваются вход и стойка. Официантка быстро принесла меню. Лина впервые была в настоящем кафе, но вела себя как уверенный завсегдатай. В Монастыре был целый учебный ресторан, где воспитанницы изучали правила этикета и с помощью изысканных столовых приборов ели пшеничную кашу и лениво дегустировали яблочный компот из высоких бокалов. Лина легко могла прочесть меню на языке десятков стран и, даже не зная других слов, сделать заказ. Не растерявшись, она быстро выбрала приглянувшиеся блюда, подозвала официантку. Та записала заказ в маленькую книжицу с фирменным переплетом, украшенным эмблемой кафе, попросила подождать пятнадцать минут.

Лина терпеливо прождала весь указанный срок, потихоньку начиная захлебываться слюной. Потом прошло еще целых шесть минут, прежде чем перед ней наконец поставили поднос. До пунктуальной монастырской столовой этому кафе еще расти и расти. Но зато тут был более богатый выбор. Вряд ли кто-нибудь ее понял, если бы она заказала овсяный суп и перловую кашу. Почти все оказалось гораздо вкуснее, чем утреннее угощение чекистов. Не понравился только местный томатный сок – слишком странный привкус. Официантка очень удивилась, когда Лина потребовала счет через десять минут. Девушка боялась здесь расслабляться: звонок мог прозвучать в любую секунду, хотелось бы при этом быть дома, чтобы, захватив нужные вещи, быстро отправиться в местный филиал.

Телефон все же зазвонил на полпути к дому. Недовольно поджав губы, Лина нажала зеленую кнопку.

– Ал-лин-ка!!! – радостно заорала трубка.

– Ленка, ты!

– И-й-я!!!

– Что так кричишь, будто ошпаренная?

- Соскучилась!

- Ты уже на месте?

- Да! Представляешь, у меня здесь своя собственная квартира с полным холодильником и видеодвойкой!

- У меня то же самое, только в холодильнике все тараканы от голода вымерли.

- Меня уже пытались пригласить на свидание!

- Поздравляю! - усмехнулась Лина и сразу нахмурилась, вспомнив ужасающую длань Мюллера. - Ленусик, ты меня прости, но я жду важного звонка.

- Неужели свидание?

- Хуже. У нас здесь «синяя тревога», скоро вылетаем в тайгу. Буду дня через три, сама тебе перезвоню.

- Ничего себе! Да ты прямо с корабля на бал! Будь осторожнее!

- Да ничего. Это рядовое происшествие, такое часто происходит. Придется немного побродить по тайге, вот и все.

- Все равно! Ты береги себя! А то быстро очутишься в нашей галерее павших героев!

- Ладно, Ленка, пока!

- Пока! И обязательно позвони, как только оттуда вернешься!

Возвратившись домой, Лина быстро собрала пожитки, необходимые ей в лесу. Здесь ее вполне могли обеспечить всем, что потребуется, но свои вещи привычнее. Высокие ботинки далеко не новые, но хорошо разношены и сидят впору - обувь в поиске самое первое дело. Маска ноктовизора тщательно подогнана к лицу, прибор пережил много различных невзгод, но линзы были



целы, а что еще от него требуется. Короткий металлокерамический нож с самодельной рукоятью, метательный стилет – их не пришлось отдавать перед посадкой, такие вещи разрешалось сдавать в багаж, если сумку плотно затянуть в пленку, что Лина и сделала перед регистрацией. Разложив камуфляж, она нашла в шкафу утюг, прогладила форму, разложила ее на кровати. Приготовила другие необходимые мелочи и констатировала: сборы окончены.

В ожидании звонка Лина присела в мягкое кресло, включила телевизор. В нем оказалось множество различных программ, она даже растерялась от такого изобилия. На одном канале, припадочно трясясь, ползал на коленях какой-то бородатый тип с микрофоном в руках, при этом он надрывно стонал, явно страдая от сильной боли. С большим трудом девушка поняла, что это всего-навсего современная музыка. Честно говоря, догадаться об этом можно было только с помощью логики. По другой программе показывали какой-то цветной фильм. Многочисленные герои вели невразумительные диалоги, называя друг друга испанскими именами. Лица их были скучны и лишены даже крох вдохновения. Лина заподозрила, что для них это просто скучная, давно надоевшая работа. Третья программа была довольно странной: там крутили короткие динамичные ролики, торопливо объясняя полезные свойства разнообразных товаров. Девушка запомнила название какой-то подозрительной жевательной резинки. Герой ролика, попробовав ее, выпрыгнул в окно высотного здания; в будущем ей стоит воздержаться от употребления подобных продуктов. Следующая программа была гораздо спокойнее. Ведущая – молодая симпатичная женщина со строгим лицом – резким голосом задавала различные вопросы людям, стоявшим по кругу. На большинство из них Лина успевала ответить до окончания произнесения. Приглядевшись к ведущей, она поняла, что, если надеть на нее строгую черную форму, то получится вылитая инструктор рукопашного боя по прозвищу Садистка, погибшая в прошлом году от разрыва кровеносного сосуда, полученного в учебном спарринге.

Ни на одном из каналов не нашлось привычных монастырских передач с познавательными информационными блоками и старинными фильмами. Но от всего увиденного быстро наступила скука. Здесь не было ничего действительно захватывающего. Порывшись на полке, Лина нашла подходящую кассету с емким боевым названием и заманчивой подписью – «ужасы». Фильм оказался довольно неплохой, очень похожий на романтические легенды о поисковых отрядах. Какие-то немыслимо глупые люди находят в леднике Антарктиды древнюю пирамиду и не придумывают ничего лучшего, как туда забраться. Внутри разворачивается схватка между ними и жутковатыми монстрами двух морфологических разновидностей. Сперва все были сами за себя, но потом один

монстр перешел на сторону людей, и они вместе разгромили осьминогоподобных тварей с кислотой в кровеносной системе. Пронаблюдав за нелепыми потугами героев, Лина пришла к выводу, что с помощью Ленки и Вики, если экипироваться получше, демонтировала бы эту пирамиду за полчаса вместе со всеми обитателями и прилегающим ледником, не особо разбираясь, кто там за кого. Монстрам на Земле не место, нечего искать среди них союзников.

Второй облюбленный фильм оказался эротическим. Сюжет его оказался совершенно не похожим на легенды о поисковых отрядах. Восхищенно раскрыв рот, Лина внимательно досмотрела его до конца, иногда тревожно оглядываясь по сторонам: ей мерещился недобрый взгляд Мюллера. Не удержавшись от соблазна, девушка перемотала кассету назад, еще раз просмотрела пару захватывающих моментов. Почувствовав, что во рту пересохло, она вышла на улицу, купила в ларьке бутылку минеральной воды. Не рискуя больше связываться с эротикой, поставила какой-то идиотский боевик, где люди сперва стреляли, а потом выясняли, зачем это сделали, и время от времени цитировали отрывки из Библии.

Она волновалась все больше и больше: звонка так и не было. Это сильно настораживало. Хотя «синяя тревога» – довольно незначительный инцидент, но он требует быстрой реакции. Ведь достаточно десяти часов после пробоя, чтобы возник риск упустить объект. Особенно это касается неприхотливых низших, обладающих колоссальной способностью к адаптации. Лина заподозрила, что про нее попросту забыли или оставили специально. Ее душили сильная обида и злость, она твердо решила приложить все свои силы для наказания нерадивых начальников.

Долгожданный звонок раздался за час до полуночи:

– Ветрова? – поинтересовался Бидон.

– Так точно!

– Загораем?

– Я ожидаю вашего звонка!

– А кто амуницию за тебя получать будет, Пушкин, что ли? Или Лермонтов?

– Виновата! Куда мне подойти?

– На вахте подскажут, я их предупрежу.

Лина выскочила через две минуты, успев за это время одеться по-боевому. Она мысленно просила прощения у незаслуженно оболганных начальников. Сейчас даже Бидон казался ей довольно милым человеком. Еще через пять минут девушка достигла управления. Охранник внимательно проверил пропуск, выданный в канцелярии, вежливо объяснил, где следует искать оперативников. Четверо мужчин сгрудились в небольшой комнате, собирая рюкзаки. Подняв голову, Бидон яростно гаркнул:

– Ну наконец-то! Мальчики, познакомьтесь, пожалуйста, с нашей милой Белоснежкой. Это эфирное создание зовут Алина Ветрова, она прислана скрасить нам скучные боевые будни.

– Ура! – воскликнул невысокий крепыш с веселыми темными глазами. – Алиночка, я сразу тебя предупреждаю: лично мне ужасно нравится кружевное белье черного цвета, и чтобы непременно из нейлона.

– Ты его даже в тайге носишь? – поинтересовалась девушка.

От мужского хохота дрогнули стены.

– Что, Чалый, уели тебя? – спросил один из бойцов.

– Один-ноль, – согласился остряк. – Но учтите: еще не вечер, я этого так не оставлю!

– Алина, – сказал Бидон. – Быстро спускайся в подвал, там тебя ждут в главном складе.

Провожаемая примитивными шуточками бойцов, девушка вышла в коридор, спустилась вниз. Дверь склада была открыта настежь, но внутрь попасть не получилось: мешала решетка, перекрывающая длинный коридор.

– Эй! – тихо крикнула Лина.

Послышался странный скрип, вскоре показался его источник – в коридор вышел пожилой мужчина, сильно хромающий на левую ногу. Девушка поняла, что у него протез выше колена.левой кисти тоже не было, вместо нее сверкала отполированная стальная клешня. Ничего не сказав, он открыл решетку, пропустил посетительницу, тщательно повернул ключ на все обороты. Сделав приглашающий жест, кладовщик пошел по коридору, на ходу прохрипев неестественным голосом:

– Тебе чего надо?

Лина встрепенулась, перечислила все требуемое четкими словами:

– Рация, батареи для ПНВ[2 - ПНВ – прибор ночного видения.], обойма к пистолету, полевое оружие, боеприпасы, гранаты ручные и дульные, медпакет, рюкзак, два полиэтиленовых плаща, трехдневный таежный паек, двухлитровая фляга.

Старик понимающе кивнул головой, стал заводить Лину в разные помещения, безошибочно доставая запрошенные предметы. Он молчал, только в арсенале раскрыл рот и, надрывая свое изувеченное горло, прохрипел:

– Что возьмешь?

Лина равнодушно прошла мимо стеллажей с мощными пулеметами и крупнокалиберными автоматами. С подобным оружием ей не позволяли обращаться физические данные. Мощная отдача легко развернет ее легкое тело, да и таскаться с такой тяжестью по тайге будет не очень приятно. Не раздумывая, взяла мощный, испытанный карабин. Он тоже далеко не подарок, но снабжен хорошим дульным компенсатором, смягчающим отдачу, и девушка к нему давно привыкла еще в Монастыре. Повернувшись к старику, она заявила:

– Мне необходимо одиннадцать обойм со спецпатронами.

– А не надорвешься, внученька?

– Волоком за собой потащу.

Выложив из ящика стопку коротких обойм, кладовщик пояснил:

– Я их пустыми держу, чтобы пружина не ослабла. Надобно снарядить.

Присев перед раскрытым ящиком, Лина зачерпнула горсть тяжелых патронов, тревожно сверкающих странной маркировкой – тройным красным кольцом. Старик тяжело присел рядом, взял пустую обойму, на удивление сноровисто принялся ее заполнять. Ему не мешало даже отсутствие руки – блестящая клешня работала как живая.

Вся работа заняла несколько минут. Забрав снаряженные обоймы, Лина уверенно произнесла:

– Вроде все.

– Простые не возьмешь?

– А зачем?

– Все берут. Если места хорошие, то многие успевают поохотиться.

– Нет. Мне этого не надо. А кроме того, у меня в пистолете обычные боеприпасы.

– погоди минуту.

Старик торопливо уковылял, но вскоре вернулся, протянул девушке плоскую стальную фляжку, емкостью около четверти литра:

– Вот, возьми, тебе пригодится.

– Что это такое?

– Мой собственный рецепт. Настоящий армянский коньяк, золотой корень, пантокрин, женьшень, кое-какие сибирские травы. Это тебе не химия, что в

стимуляторах, – мертвого не поднимет, но на час-другой поможет без всяких побочных эффектов. Бери, он не портится. Сейчас не понадобится, так в другой раз поможет.

Приняв фляжку, Лина случайно взглянула в глаза старика. Они были совсем как у привратника Матвея – горели тоскливым взглядом старого пса, чье грозное прошлое осталось далеко позади. Невольно моргнув, девушка тихо произнесла:

– Спасибо вам!

– Бог в помощь! Глядишь, и пригодится, вспомнишь еще меня, старого, добрым словом.

Быстро отвернувшись, старик поковылял в коридор, открыл решетку. Лина молча прошла мимо, на первой ступеньке резко развернулась. Кладовщик так и стоял в проходе, провожая ее грустным, каким-то завистливым взглядом. Кивнув, он поспешно закрыл дверь.

Бидон буквально рвал и метал. Все пошло совершенно не так, как планировалось. Организовать вертолет не удалось; на место уже вылетел специальный сотрудник, он должен был провести переговоры с руководством авиаотряда, но это дело нескорое. Наземным транспортом в те края быстро не попасть – машина не подойдет ближе двадцати километров; вездеход нелегко арендовать, но и он не везде сможет пробраться. Пришлось воспользоваться десантным военным самолетом, да еще и тщательно согласовывать его полет: в последние годы летные правила сильно ужесточились. Прыгать на каменную осыпь было чревато: без переломов там не обойтись. Ближайшая подходящая площадка располагалась в пяти километрах – небольшая, сильно вытянутая марь. Там, естественно, хватало кочек и корявых зарослей, но лучшего варианта попросту не было. Теперь приходилось оттягивать вылет, чтобы подоспеть туда после рассвета, когда можно будет хорошо рассмотреть место приземления, не налетев задницей на копейную макушку высохшей корявой лиственницы.

Но все плохое когда-нибудь заканчивается, дело уже шло к утру, когда самолет оторвался от земли. Раздраженные проволочками, оперативники пытались дремать на жестких скамейках, люто завидуя навязанной им практикантке. Та спокойно уснула, уперев ноги в рюкзак, так что коленки стали вровень с шеей.

На них она положила запасной парашют и, склонив на него голову, немедленно погрузилась в сон. Оперативники попытались повторить подобный номер, но их закостеневшие суставы не позволили наслаждаться комфортной позой. Только Чалый не растерялся – расстелил спальник, прихваченный на случай появления раненого или больного. Зависть бойцов немедленно переключилась на него; осыпаясь шутками, он только усмеялся и заявлял, что пустит к себе на ночлег только практикантку. Бидон немедленно изрек, что сам не ляжет рядом с подозрительным мужиком, носящим черное кружевное белье, вдобавок ко всему нейлоновое. К немалой досаде Чалого, бойцы опять рассмеялись – обидная шутка до сих пор не надоела.

Постепенно вялые разговоры затихли, все устроились, как смогли. Самолету потребовалось больше двух часов до подхода к цели. Сонный штурман прошел в салон, разбудил оперативников, после чего те поспешно натянули парашюты.

Крикнув последние наставления, Бидон открыл люк, по отсеку загулял сильный ветер. Пропустив трех оперативников, Лина шагнула вперед, делая уже не первый шаг на пути, который через день приведет ее к старой геологической канаве сверкающей яркими блестками слюды, у которой оставят свои жизни четверо крепких молодых мужчин.

Она все еще думала, что через пару дней сможет отоспаться на чистых простынях из тонкой материи.

## Глава 4

Случилось то, что бывает раз в сто лет, а то и реже: Лине повезло как утопленнице. «Синяя тревога» оказалась вовсе не ложной. Это не был случайный всплеск пробудившейся энергии недр или полевое испытание новейшего плазменного оружия. Ворота раскрылись, впуская на Землю врага, против которого сотни лет сражается ее Орден.

Его необходимо остановить. Враг не должен добраться до густонаселенных мест или опасных производственных объектов, где сможет причинить колоссальный вред. Лина мгновенно смирилась с гибелью группы. Она трезво оценивала свои скромные боевые возможности и понимала: в одиночку ей вряд ли удастся

победить сильного противника, который за несколько мгновений смог уничтожить четверых вооруженных оперативников. Необходимо было срочно вызвать помощь.

Лина направилась в сторону командира – у него был спутниковый телефон. Перевернув тело, она содрогнулась у Бидона отсутствовало почти все лицо, жутко розовели обнажившиеся скулы. Осторожно раскрыв карман его разгрузочного жилета, она достала массивную трубу со сложенной антенной. Разглядев аппарат, девушка заскулила от досады: корпус был грубо смят, змеился многочисленными трещинами. В следующий миг случилось страшное – ошметки лица дрогнули, шевельнулись рваные губы, на пределе слышимости послышался свистящий шепот:

– П-практикантка.

– Так точно! – воскликнула Лина, невольно пятясь назад, подальше от страшной мглы пустых глазниц.

– З-запомни: он все время повторял одно слово – «упала».

– Поняла.

– Объявляй «красную тревогу».

– Телефон поврежден, – растерянно произнесла девушка.

– Хреново, – констатировал Бидон. – Второй мы не захватили, его обычно брал Полкан.

Хрипя и пуская кровавые пузыри, он еще тише спросил:

– Ты его почувствовала?

– Вроде бы. Но только перед самой стрельбой, он очень неплохо умеет прятаться.



– Хорошо, – констатировал оперативник. – Значит, он может маскироваться, только сидя на одном месте. Практикантка, жди: через несколько часов нас обязательно хватятся. Расскажешь все. Не забудь про это слово.

– Нет! – заявила Лина. – Ты же сам понимаешь, его надо непрерывно преследовать, не дать оторваться, уйти.

– Д-дура! – резко выдохнул Бидон. – Ты для него – что назойливая муха! Это был высший! Я приказываю: остаешься на месте!

– Я отказываюсь выполнять ваш приказ! – звенящим голосом заявила Лина. – По возвращении на базу можете подвергнуть меня дисциплинарному наказанию, но будете не правы. Я действую строго по инструкции поиска, ни одна комиссия не сможет обвинить меня в их нарушении.

Страшно растягивая изуродованные губы, оперативник жутковато забулькал, изображая что-то вроде смеха:

– Хорошая шутка! Это я насчет возвращения. Практикантка, ты ведь из Монастыря?

– Да.

– Ну что же, может, у тебя и есть шанс. Если, конечно, правда то, что про вас говорят в Ордене. Послушай, Ветрова, или как там тебя. Ты ведь прекрасно понимаешь – жить мне осталось всего несколько минут. Я не загнулся от шока только потому, что недавно принял стимулятор. В левом кармане моего рюкзака есть морфий. Сделай доброе дело.

– Хорошо! Потерпите немного.

Лина опрометью бросилась к рюкзаку. Быстро нашла плоскую кожаную коробку, схватила шприц-тюбик насыщенного кофейного цвета. С шеи командира был сорван немалый кусок плоти, обнажились пульсирующие вены и артерии. Воткнув иглу в самый мощный сосуд, девушка осторожно выдавила содержимое. Она думала, что оперативник уже забылся перед смертью, и вздрогнула, когда его губы вновь шевельнулись, на пределе слышимости произнес последние

слова:

- П-постарайся выжить. Ты красивая девочка, тебе здесь не место. Так не должно было...

Волна наркотика ударила в мозг, погасив умирающее сознание. Лина поспешно проверила остальных оперативников, но все они были мертвы. Судя по всему, только весельчак Чалый, сидящий от вспученной кучи породы дальше всех, успел выстрелить из своего легкого пулемета. Его грудная клетка была разворочена страшным ударом, разметавшим в стороны изломанные ребра. Найдя две гильзы, Лина примерно определила направление стрельбы, тщательно обыскала несколько квадратных метров осыпи. Ее труд увенчался успехом – на светлом лишайнике обнаружилось маслянистое желтоватое пятно. Спустившись в канаву, она нашла на снегу еще несколько маленьких клякс возле следов врага.

Новость была хорошая – противник получил ранение. Возможно, серьезное, хотя это и маловероятно: крови было совсем немного. Не опуская карабина, Лина вернулась в кусты, обула ботинки. Действовать надо очень быстро, девушка по-прежнему ощущала присутствие врага, но он удалялся и может проворно уйти за пределы действия слабых способностей практикантки. Отпускать его нельзя.

Лина вернулась к месту привала, убедилась, что Бидон уже умер. Просто удивительно, как он смог столько протянуть с подобными ранениями – его тело спереди превратилось в сплошную рану. Безжалостно высыпав на большие камни содержимое всех рюкзаков, девушка принялась выбирать то, что взять с собой просто необходимо. Она сложила три коробки суточных рационов, большую флягу, несколько ручных гранат, ноктовизор. Немного поколебавшись, взяла спальный мешок. Он был объемный, но весил совсем немного. Уже не раздумывая, прихватила одноразовый гранатомет с мощнейшим специальным зарядом. У оперативников не было склонности к унификации вооружения группы – патронов, подходящих для ее карабина, не нашлось. Поколебавшись, она прицепила на разгрузочный жилет кобуру Бидона. Пистолет у командира был огромный, под два килограмма весом. Обойма не емкая, но зато со спецпатронами. Распределив всякую мелочь по карманам рюкзака и разгрузочного жилета, она пришла к выводу, что собрала все необходимое, без остального можно обойтись, нечего загружать себя сверх меры.

Быстро исписав блокнотный листок, она завернула записку в фольгу от пачки сигарет. Послание вставила в расщеп корявой палки, закрепила ее рядом с камнем, на котором осталась кровь врага. Вскрыв корпус спутникового телефона, она окончательно убедилась, что не сможет его отремонтировать в полевых условиях. Прикрыв меченый камень пластиковым плащом, она положила сверху сломанную трубку. Прикрыть тела оперативников было нечем, да и некогда возиться. Все, что она смогла сделать, – положила на лица пустые рюкзаки, придавив их камнями. Чтобы полностью защитить погибших от хищных зверей и птиц, потребовалось бы несколько часов. Такого запаса времени у Лины не было.

Достав GPS-приемник[3 - GPS-приемник – навигационное устройство, ориентируется по сигналам специальных спутников.], она засекла в память системы нынешнюю точку местонахождения, присвоив ей первый номер, выключила прибор, экономя батареи. Взвалила на спину потяжелевший рюкзак, повесила карабин на грудь. Все, больше здесь делать нечего.

Бросив последний взгляд на изувеченные тела оперативников, Лина повернулась, посмотрела на цепочку следов, отпечатавшихся в заснеженной канаве, шагнула вперед, начиная свое опасное преследование. Девушка не могла даже предположить, что ее долгий путь войдет в легенды Ордена.

Она просто действовала по инструкции.

Монастырский привратник сидел на грубом самодельном табурете перед маленьким дощатым столиком. Он сосредоточенно опустошал высокую алюминиевую миску с жирным борщом, оценивающе поглядывая на обнажающуюся приличную кость. Матвей справедливо полагал, что там хватает нежных мозгов и в ней можно будет довольно неплохо поковыряться. Сбоку внезапно звякнул противный тревожный зуммер. Нахмурившись, он положил на стол кусок грубого черного хлеба, аккуратно прислонил к нему ложку.

Пересев на мягкий вращающийся стул, он ловко подкатил его к углу своей будки, опустил руку на клавиатуру, несколькими нажатиями на клавиши оживил шесть плоских мониторов. Переключая камеры, хорошо рассмотрел подъезжающий кортеж: огромный черный «мерседес» и два мощных джипа. Машины вынеслись на пяточок перед воротами, притормозили, синхронно

развернулись, выстроившись в одну линию. Секунд пятнадцать ничего не происходило, затем дверца «мерседеса» открылась, выпустив огромного парня, облаченного в черный костюм. Пригладив свою сверхкороткую прическу, он повернулся, внимательно посмотрел в сторону будки привратника.

Матвей подъехал к передней стене, отодвинул бронированную заслонку с бойницы маленького окошка, активировал маленький пульт с правой стороны. Машины встали довольно удачно. Под двумя автомобилями грубый асфальт скрывал мощные кумулятивные заряды, на третью, глядя в маленький монитор, он навел безоткатное орудие, спрятанное в темном чердачном окошке. Покосившись вниз, он осмотрел свой арсенал: пистолет-пулемет с рукояткой, приспособленной под искаленную руку, и армейский автомат с подствольным гранатометом. На узкой полочке в круглых гнездах покоились двенадцать ребристых гранат. Каждую украшали три красные кольца вокруг запала. Монастырь умел защищать себя – переднюю стену обители привратника не смог бы пробить противотанковый гранатомет; на крышах корпусов дежурили шесть замаскированных снайперов с мощными винтовками, а в гараже наготове стоял средний танк с дежурным экипажем. В случае необходимости в течение нескольких минут под ружье могло встать несколько десятков сотрудниц и старших воспитанниц, а установленные за стенами термитные фугасы выжгут немало гектаров прилегающей территории.

Тем временем здоровенный парень направился к раскрытому окошку. Брезгливо скривившись, он осмотрел рассохшуюся дощатую обшивку, не догадываясь, что она скрывает под собой толстую броню. Склонившись, он пристально уставился на Матвея, надменно оглядел неказистого привратника, лениво разжал губы:

– Старый, босс хочет посмотреть на свою дочку. Открывай ворота.

– Не положено, – прогудел Матвей.

Скривив невероятно пренебрежительную гримасу, парень заявил:

– Ты че? Совсем тупой? Сказано четко: босс хочет повидать дочку.

– Никого не положено пускать, – упрямо заявил привратник. – Ходят тут всякие!

– Тебя прямо тут уделать?

– Не положено.

– Позови начальство.

– Договаривайтесь по телефону, – буркнул Матвей. – Мое дело совсем маленькое. Все, кто приезжают, заранее о себе предупреждают, а вы свалились, как кирпич на башку.

– Да у вас тут настоящий Владимирский централ! – хмыкнул парень. – Зови свое начальство, дело не ждет.

– Как дочку-то зовут? – буркнул Матвей.

Выслушав ответ, он удивленно покачал головой и достал трубку радиотелефона. Новость была такой, что звонить пришлось на самый верх.

Настоятельница стояла на приплюснутой насыпи, скрывающей бетонный дот. Сложив руки на груди, она внимательно наблюдала за суетой, разворачивающейся на грязном поле. Четыре команды воспитанниц тащили огромные двадцатимиллиметровые минометы в сторону финишной черты. Девчонки, азартно крича и барахтаясь в растоптанной грязи, упирались в тяжелые орудия плечами и спинами, пытаясь опередить своих противниц. Внизу, возле дота, три инструктора спорили на занимательную тему – как наказывать проигравшую команду. Мюллер прислушивалась с немалым интересом – ей была небезразлична тема обсуждения.

Посмотрев на потуги ближайших воспитанниц, настоятельница нахмурилась. Покрытие площадки совсем негодное, слишком подсохло, никто не проваливался в грязь слишком глубоко. Надо срочно подогнать несколько водовозок и устроить втык сотруднице, командующей этим сектором полигона. Эта дура скоро высушит дорожки до каменного состояния.

В кармане запиликал телефон. Достав трубку, Мюллер спросила:

– Да?

Выслушав сообщение, она произнесла:

– Скажи, чтобы подождали. Я сейчас подъеду, потом позвоню. Пустишь только отца, пусть его проводит кто-нибудь из сотрудниц. И вели очистить двор, он не должен увидеть ничего странного.

Убрав телефон, она покачала головой – новости были удивительными.

Дверь осторожно открылась, показалась стервозная физиономия Кобры. Преданно глядя на свою начальницу, она спросила:

– Пускать?

– Давай.

Дверь открылась еще шире, впуская плечистого импозантного мужчину лет сорока пяти. Окинув взглядом его костюм и блестящие часы, выпяченные на запястье, Мюллер высчитала, что все это добро стоит очень прилично. На такие деньги можно спокойно выплатить месячную пенсию старикам небольшого городка. Небрежно-уверенным шагом необычный посетитель прошел на середину кабинета и растерянно остановился – кроме стола и кресла, занятого настоятельницей, другой мебели в кабинете не было. Он не догадывался, что стул есть, но предусмотрительно спрятан в стенном шкафу. Присесть было некуда. Справившись с замешательством, мужчина посмотрел в глаза Мюллера и заметно поежился. Выдержать взгляд этой анаконды не мог никто. Раскрыв губы, он вальяжным тоном заявил:

– Меня зовут Антонов Игорь Владимирович. Я приехал повидаться со своей дочерью – Ветровой Алиной Игоревной.

Замолчав, он в ожидании уставился поверх макушки огромной женщины. Ему очень не хотелось встречаться с ней глазами. Но та попросту безмолвствовала, никак не отреагировав на заявление. Поняв, что пауза нездорово затянулась, мужчина пояснил:

– Я совершенно точно знаю, что она здесь.

– Вот как, – плотоядно осклабилась настоятельница. – И кто же, интересно, поведал вам такую ерунду?

– У меня хватает своих источников, – с ноткой угрозы заявил посетитель.

– Ее здесь больше нет, – коротко ответила Мюллер.

– Не надо кормить меня детскими сказками – я сам кого угодно накормлю!

– Алина полная сирота, так что ваше отцовство и есть небылица.

– Это глупости! В ту пору я был молод и самонадеян. Кто в здравом уме станет жениться из-за того лишь, что мимолетная подруга залетела по собственной неосторожности? Светка родила без меня, сдала дочку в дом малютки и отравилась. Я только через пять лет узнал, что у меня есть ребенок. А недавно понял – ее просто необходимо найти. Я отец Алины и хочу немедленно увидеть свою дочь!

– Ее здесь больше нет, она сейчас на Дальнем Востоке.

Покачав головой, Антонов угрожающе повысил голос:

– Слушай, Дюймовочка, да ты плохо понимаешь, с кем связалась. Мне достаточно просто подумать, и на следующей день тут будет стоять новый стадион. Или кладбище. Вы просто нули, и не стоит корчить из себя крутую шишку!

Посетитель принялся сыпать угрозами, по ходу дела выпячивая свое величие. Мюллер слушала его с полным равнодушием. Она давно могла бы довести наглеца до позорного недержания мочи, но считала, что без этого пока можно обойтись. Неплохо все же узнать его получше, прежде чем вышвырнуть за ворота. Настоятельница могла рассказать ему очень многое. Антонов не казался ей глупым и необразованным, его бы наверняка потрясли некоторые малоизвестные исторические факты. Он бы с немалым удивлением узнал, почему столь резко закончился великий поход Александра Македонского в Индию или отчего в рассвете сил умер Аттила. Многие земные правители пытались протянуть жадные руки к Ордену, но древнейшая организация человечества с легкостью отбивала эти наивные атаки. В крайнем случае

применялись довольно радикальные меры – нездоровая опухоль выжигалась бесследно, с тщательной подчисткой исторических архивов. Орден не вмешивался в дела земных правителей, но и не терпел малейших помех с их стороны. Монастырь был неотъемлемой его частью, один короткий звонок настоятельницы – и посетитель не просто исчезнет, лучшие друзья постараются о нем забыть на следующий день. Закончив длинный перечень разнообразных кар, припасенных для настоятельницы, Антонов уверенным тоном закончил:

– Всего этого можно легко избежать. Просто приведите ко мне дочь.

Покачав головой, настоятельница почти ласково произнесла:

– Эх, Антонов, Антонов! Да я сейчас начну плакать! Где же ты был в те времена, когда твоя малютка умирала от дифтерии в стенах казенной палаты? Почему не кинулся искать ее раньше, ведь ты наверняка знаешь, что частенько случается с симпатичными сиротками. Она вполне спокойно могла бы уже несколько лет работать на панели. Как не вовремя проснулись твои благородные отцовские чувства!

– Вы не понимаете! – воскликнул посетитель. – Это же мой единственный ребенок! Я долго болел и после этого не могу больше иметь детей. Она совсем одна! Моя! Родимая! Я обеспечу ей жизнь как у принцессы – моя Алина ни в чем не будет знать отказа! Более того, вы получите неплохую компенсацию, я щедро отблагодарю за проявленную заботу о моей дочери!

– А теперь послушай меня! – рявкнула настоятельница и своим страшным гипнотическим голосом, способным довести до обморока любого, продолжила: – Ты попросту просрал свою дочь! Она росла без тебя, у совершенно чужих людей. К нам Алина попала в одиннадцатилетнем возрасте, я ей была за родную мать, отца, дедушку и экзекутора. Все в одном лице! Здесь она выросла, расцвела, наша суровая жизнь закалила ее характер и тело. Не сомневайся, ей даже не захочется видеть такого никчемного отца, который неизвестно чем занимался почти двадцать лет, терпеливо дожидаясь, пока она вырастет. Вся твоя заслуга только в том, что ты соизволил обрюхатить ее молодую мать, а потом бросить на произвол судьбы. Она, знаешь ли, уже совершеннолетняя и может сама решать, что ей дальше делать. Интересный из тебя получился папаша – приходишь на все готовенькое и думаешь, что тебя тут ждут с распростертыми объятиями! Может, мне еще раком перед тобой стать? А? Даже не мечтай об этом, я сама тебя поставлю, еще и спину при этом сломаю в трех местах! В приемных



документах сказано четко – Алина полная сирота. Ты не отец – ты просто полный ноль. Нет, даже хуже – тебя здесь нет; я вижу перед собой обычную кучу трясущегося вонючего дерьма, для смеха обряженную в дорогой костюм. И не пытайся здесь обоссаться, мой ковер едва очистили после конфуза, случившегося с предыдущим посетителем. Я вытру его твоей тупой башкой, затем вышвырну тебя в окно, а потом еще и спляшу на твоём вонючем трупе. Если ты еще раз припрешься сюда без документов, подтверждающих отцовство, я с тобой такое сделаю, что тебя на кладбище хоронить откажутся! Пшел вон, слизняк!!!

Антонов сам не понял, как смог выскочить за дверь и пройти по коридору. В себя он пришел только на улице, возле входа в здание. Рядом стояла худая женщина в черной обтягивающей одежде. Она сверкала колючими глазами злобной самки крокодила, явно ожидая, когда перепуганный посетитель соизволит пройти к воротам. Судорожно сглотнув, Антонов, полностью растерявший свою спесь, смущенным голосом поинтересовался:

– Вы не подскажете, где здесь у вас туалет?

– У нас только для женщин, – недружелюбно отозвалась Кобра.

– Но мне очень надо! – еще более смутившись, попросил незадачливый папаша.

– Всем надо! – глубокомысленно констатировала женщина и добавила: – Только не здесь! Пачкать плац не положено. Уссыкайтесь, пожалуйста, за воротами.

Униженный до глубины души, Антонов помчался в сторону калитки. Привратник поднял засов, открыл ее, выпуская посетителя. Притормозив, тот с надеждой осведомился:

– А ты в какой туалет здесь ходишь?

– Не положено! – прогудел Матвей.

Горестно взыв, Антонов с разбега ввинтился во чрево автомобиля, коротко бросив:

– Трогай!

Но едва машина достигла выездной аллеи, он выскочил прямо на ходу, судорожно расстегнул брюки. Охрана с удивлением следила за действиями своего шефа. Таким взволнованным они его еще не видели. Вернувшись назад, он захлопнул дверь, с облегчением откинулся на спинку сидения.

– Что случилось? – поинтересовался крупный парень с короткой стрижкой.

Многозначительно ухмыльнувшись, Антонов спросил:

– Санек, ты кино про ээсовок когда-нибудь видел?

– Ну?

– А я в нем только что участвовал. Причем в роли пленного партизана.

– Игорь Владимирович, так может, с ними поговорить по-плохому? Я быстро организую.

– Нет, Санек, поехали. С этой богадельней не все так просто, как кажется. Если они центр воспитания женщин-христианок, то я папа римский. Это же не бабы – это просто зондеркоманда!

– А что там было?

– Помолчи хоть немного, дай мне подумать. Этот вопрос придется решать обходными путями. Надо выяснить о них все, а там видно будет.

Настоятельница, встав у окна, проследила за поспешным отъездом кавалькады. Она покачала головой и решила сегодня же позвонить руководству, чтобы те приняли меры по ограждению Монастыря от нежеланного посетителя. Проще всего было бы его ликвидировать, но Мюллеру не хотелось так поступать. Возможно, после окончания практики Алина сама захочет с ним поговорить. Настоятельница несколько не сомневалась в том, что девушка не обрадуется появлению блудного отца. Встретив с ее стороны холодное отношение, тот

быстро успокоится.

Тем временем жизнь Монастыря, сбитая с обычного ритма неожиданным посетителем, возвращалась в свою накатанную колею. На плац вышли три наказанные воспитанницы, стали его подметать специальными пудовыми метлами, почти целиком сделанными из стали, нещадно скребя при этом асфальт. Группа младших бегом выскочила из библиотеки, торопясь на тренировочную площадку. Достав телефон, Мюллер набрала длинный номер. Пора было побеспокоить Алину, та наверняка жутко скучает по своей любимой настоятельнице.

Улыбнувшись при этой мысли, женщина поднесла трубку к уху.

- Абонент временно недоступен...

Нахмурившись, повторила набор, но с тем же нулевым результатом. Набрала номер поисковой группы Хабаровского филиала - пошли длинные гудки. После десятого настоятельница отменила вызов, нахмурившись, уставилась в окно. Ей не нравилось отсутствие связи с воспитанницей.

Очень не нравилось.

## Глава 5

Старая канава закончилась через сотню метров, далее след повернул вниз. Его легко можно было проследить по нарушенному покрову лишайника, а кроме того, враг шел напролом, даже не пытаясь обойти снежные пятна. Лина не боялась его потерять из виду, девушка отчетливо ощущала присутствие противника и могла примерно определить направление его перемещения. Слабые способности не позволяли ей сделать это более точно и достоверно определить расстояние, но это было все же лучше, чем ничего.

В момент своей активации противник поневоле обрушил на оперативную группу мощнейший энергетический импульс. Тренированный мозг практикантки тщательно запомнил уникальные параметры ментального излучения врага,

теперь она ни с кем его не перепутает. Самое главное сейчас – не дать ему оторваться, не позволить слишком далеко уйти, выйдя за пределы сферы восприятия. Лина довольно сильно устала, но у нее имелся немалый запас прочности, она легко сможет вести погоню до самого вечера. Потом ей потребуется небольшой отдых, без него она быстро потеряет последние силы и не сможет продолжать преследование.

Под ногами угрожающе шевелились неустойчивые угловатые камни. Приходилось постоянно держаться начеку: малейшая оплошность – и можно серьезно повредить ногу. Противник совершенно не думал о выборе удобных путей: свернув в конце канавы, он больше не делал резких изменений маршрута. Прикинув, что при подобном курсе ей придется идти по открытой осыпи около двух километров, Лина аккуратно присела на колени, подняла карабин и в мощный оптический прицел принялась осматривать предстоящий путь. Все было чисто, враг уже успел скрыться в густых зарослях кедрового стланика, зеленеющих ниже по склону. Но не исключено, что он попросту спрятался среди камней, поджидая в засаде настойчивую преследовательницу.

Держа карабин наготове, Лина продолжила путь. Поглядывая по сторонам, она хмурилась все сильнее и сильнее: ей не нравились темные тучи, надвигающиеся с юго-востока. Будет очень неприятно попасть под грозу. Настороженно скользя среди камней, девушка быстро достигла зарослей стланика. Тут ее путь резко замедлился: корявые стволы стояли сплошной стеной, через них приходилось перелезть или протискиваться в узкие проходы. Здорово мешал рюкзак, норовя зацепиться за каждую ветку.

Кошмарный путь занял почти четверть часа. Пропитавшись густым кедровым запахом, Лина вышла на полосу редколесья. Здесь кусты стланика перемежались с тощими сосенками и лиственницами. Идти стало гораздо удобнее, только изредка под ноги попадали отдельные камни или приходилось обходить густые заросли. Впереди пронзительно свистнул бурундук. Девушка замерла: она прекрасно знала, что этот забавный зверек просто так шуметь не будет. Его что-то испугало, и он передает сигнал опасности своим собратьям. Правда, встревожить его может все что угодно: человек, медведь, неожиданно упавшая ветка или промчавшийся мимо шалый заяц. Но нельзя исключать, что он реагирует на затаившегося врага.

Впереди отчетливо треснула ветка. Лина присела на колени, крепко прижала карабин к плечу; указательный палец слился со спусковым крючком, выбрав его

свободный ход. Одно крошечное движение – и тяжелая, бешено раскрученная пуля покинет ствол. Оболочка из крепчайшего танталового сплава скрывает маленький заряд невероятно мощной взрывчатки, щедро перемешанной с тонкодисперсным серебром. Микроскопический детонатор мгновенно срабатывает от любого удара. Мощь этого несерьезного на вид миниатюрного снаряда впечатляла – пуля легко могла разорвать пополам взрослого мужчину, щедро напятав обрывки его тела серебряной пылью. При желании практикантка могла легко проделать просеку в лесу, без затруднений посшибав несколько деревьев. Однако не стоило забывать, что даже после попадания подобной пули, выпущенной из пулемета Чалого, враг легко ушел, почти не теряя при этом своей маслянистой крови.

Подозрительный шум приближался, девушка припала к прицельной планке, игнорируя высоко поставленный оптический прицел – в этих зарослях он был почти бесполезен. Дрогнули пушистые хвойные ветви, между деревьев величаво прошествовал огромный лось. Лина едва удержалась от облегченного вздоха. Подождав, пока зверь отойдет подальше, она вытащила свой великолепный, острейший нож, подошла к небольшой стройной лиственнице. Быстро обрезала темный верхний слой коры, обнажив красноватую, заметную издали пористую сердцевину. В одном месте сделала небольшой продолговатый затес до светлой древесины, кончиком клинка нанесла на нем первую букву своего имени. Сделав метку для поисковиков, продолжила путь.

Враг по-прежнему не выбирал для себя легких путей, девушке пришлось не раз пробираться среди густых зарослей стланика и труднопроходимых буреломов. Ее тщательно лелеемый костюм покрыли темные пятна хвойной смолы. Плевать, сейчас не время заботиться о своей красоте. Через несколько часов кошмарного пути впереди наконец засветлел широкий просвет: Лина выбралась к старательской разработке.

Золотодобытчики постарались здесь на славу. Они тщательно перемыли много тысяч кубометров наносной породы, бережно высвобождая желтые драгоценные крупы. Вдоль русла ручья протянулась широкая полоса чистого, хорошо промытого грунта. Старатели ушли очень давно: в сухих отстойниках, заполненных илом, весело зеленел кустарник, верба густо облепила все влажные места, пышно разрастаясь на мертвом песке. Возле ручейка, пробившего себе путь среди рукотворных наносов, Лина увидела четкий след врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Курумники – каменные осыпи, преимущественно из крупных глыб, северная форма рельефа.

2

ПНВ – прибор ночного видения.

3

GPS-приемник – навигационное устройство, ориентируется по сигналам специальных спутников.

----

Купить: <https://tellnovel.com/ru/artem-kamenistyj/praktikantka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)